Татьяна
Вторник

Сыны Рогатого Бога

18+

Татьяна Вторник

Сыны Рогатых Богов

«Автор»
2026

Вторник Т.

Сыны Рогатых Богов / Т. Вторник — «Автор», 2026

Автор: Татьяна ВторникКорректор: Алексей Конторович 2 КНИГАМистический роман в 3-х томах.Настало время пробуждения Верховной. Что ждёт её в череде Вальпургиевых ночей и Солнцестояний? Много нового и неизведанного. Тайного, любовного и обманчивого. Знакомство с новым ковеном и судебные тяжбы над Сейлемскими ведьмами. И конечно же от суматошных будней может спасти только отдых Сон, который позволяет видеть что-то или кого-то Вот только кто приходит к ней под покровом полнолуния? Сон или он?Подписывайтесь, ставьте звёзды и пишите отзывы. Для автора — это стимул к написанию новых историй и пробуждает его музу.Рейтинг 18+. В книге есть описания насилия и жестокости. А так же употребление алкоголя и курения.Автор не пропагандирует насилие, не призывает копировать поведение героев и осуждает деятельность своих выдуманных персонажей.

© Вторник Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

2. КНИГА 1 часть. Плимут. 5
Пролог 5
1. Поместье Пемброк 8
2. Полнолуние 12
3. Смерть Верховной 18
4. Солнцестояние 21
5. Предупреждение 25
6. Вальпургиева ночь 27
7. Мама 31
Эпилог 1 части 36
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Татьяна Вторник
Сыны Рогатых Богов

2. КНИГА 1 часть. Плимут.

Пролог

1 июня 1690г., где-то в лесу Плимута.

— Ты уверена? — Катерина, сложив руки на груди, расхаживала взад и вперед возле Древа.

— Нет, — мрачно отозвалась Долорес.

— Хватит перед глазами мельтешить, — одёрнула Эбби девушку за руку, силой усаживая рядом с собой на поваленное дерево.

— Может она мертва? — предположила Урсула, разглядывая прикрытое покрывалом тело Оливии.

— Она потерялась, — недовольно вздыхая, пояснила старуха.

— Ты сказала, что она вернётся в марте, а уже июнь, — раздражённо оглаживая подбородок, Джон подпирал плечом соседнюю ель.

Долорес не ответила, а лишь перевела взгляд на закатившую глаза Гвиневру, с прижатой ладонью к окровавленному ворону.

— Что ты видишь? — с ней сидели рядом несколько ведем, с любопытством наблюдая за работой товарки.

— Я ухожу, — глухо отозвалась Гвиневра. — Возле врат Рогатый.

Долорес заметно напряглась.

— Цернунн?

— Кто-то из его сыновей, — отозвалась ведьма.

— Чёртовы отродья всё больше расползаются, — с негодованием выплюнула старуха.

— Чем тебе они не нравятся? — возразила Титуба. — Они добры к нам и щедро делятся даром.

— Они паразиты, — прошипела Долорес. — Они могут помешать возродить Цернунна.

— А мне кажется, что им наплевать, — пожала плечами Катерина. — К тому же, ты сама говорила, что когда-то их было много. И ведьм они одаривают не хуже Цернунна.

— Это скверна, — процедила слова старая ведьма. — Если бы не они, то Цернунн был бы жив. Рогатый Бог один, а его выродки лишь шелуха.

— Всё, — выдохнула Гвиневра возвращаясь из царства потерянных душ. — Он крутится там. Мешает. Сбивает. Не хочу встретиться с нашим Богом лоб в лоб, а он всегда возле них околачивается.

— Ладно, — вставая с бревна, Эбби недовольно отрясла юбки. — Завтра придём.

Ведьмы разошлись до следующей ночи. Измотанные и утомлённые ожиданием, все возвращались в расстроенных и растерянных чувствах. Кто-то даже начал терять надежду на возвращение Верховной. Джон остался стоять у дерева, наблюдая за копошившейся у тела Оливии Титубы.

— Что ты делаешь?

— Я хочу, чтобы она проснулась чистой, — протирая от осыпавшейся за день земли руки Оливии, девушка аккуратно укладывала их под покрывало.

— Тебе не надоело каждый день это делать?

Девушка молча продолжила вытирать влажной тряпицей лицо. Закончив с процедурой, она прикрыла покрывалом спящую с головой и вылила воду из ведра в кусты, замирая напротив Джона.

— Ты веришь в то, что она вернётся?

Мужчина молчал, рассматривая за спиной девушки яму с Оливией.

— А ты хочешь этого?

— Конечно, — возмутилась служанка. — Это же наша Верховная.

Он сделал шаг к девушке и лениво провёл пальцем по голому плечу, с которого сполз рукав. Она закусила губу, обольстительно улыбаясь. Джон сделал ещё шаг и, обхватив Титубу за талию, развернул к дереву, прижимая её грудь к шершавому стволу.

— Джон! Что ты? — наигранно-испуганно, прошептала она.

— Тише.

— Не здесь.

— Тише, — он быстро задрал её юбки, запуская руку между сжатых ног и оттягивая за волосы назад, покрывая шею поцелуями.

— Джон, — томно выдыхала она. — Давай вернёмся в дом.

— Не хочу. Я зол, — рычал он, дёргая завязки на штанах и спуская их.

— Подожди.

— Расставь ноги, — жёстко приказал он.

Титуба отставила ногу в сторону и тут же вскрикнула. Мужчина ворвался в неё грубо и стремительно. Он рваными и жёсткими толчками втискивал Титубу в шершавый ствол, но сам при этом смотрел на прикрытое покрывалом тело. Блуждая взглядом по двум округлым холмикам груди и слабо проглядывающему силуэту через плотную ткань, прекрасного лица Оливии. Служанка, наслаждаясь процессом, хотела найти его губы своими губами, но уловив его взгляд, расстроено перехватила подбородок мужчины, поворачивая к себе.

— Что? —улыбнувшись, шепнул он.

— Поцелуй меня, — потребовала девушка.

Джон склонился к её плечу прикусывая за нижнюю губу.

— Адам! — выкрикнула Оливия, приподнимаясь в могиле и растерянно крутя головой под покрывалом.

Джон тут же оттолкнул от себя Титубу, подтягивая штаны. Бывшая рабыня обиженно хмыкнула, но, оправив платье, устремилась за бегущим к могиле Джоном.

Оливия сидела какое-то время не двигаясь, а потом сдернула с себя покрывало, осматриваясь.

— Верховная, — бухаясь рядом с ямой, Титуба протянула руки, помогая девушке подняться.

Джон, приобняв её за талию, вытащил наверх.

— Оливия, как ты? — не выпуская её из объятий, мужчина любовался её растерянным и немного сконфуженным лицом.

— Рогатый Бог, — промямлила она.

— Это я, — изумился он. — Джон.

Девушка ошарашенно рассматривала знакомое лицо, после чего резко оттолкнула его руки и пихнула в грудь.

— Ты убил Адама! — вызверилась она.

— Нет, нет, — уворачивался Джон, перехватывая руки Оливии, которые старались ухватить за волосы. — Я не убивал его. Не убивал. Он просто ушёл. Он ушёл из дома безвозвратно, когда ты уехала в Новую Англию.

Оливия остановилась, задумавшись, но Джон быстро продолжил.

— Я так сказал, чтобы Элеонору не убили, — он чуть ослабил хватку на её руках. — Она моя мать. Я не мог позволить этого сделать.

— Но ты хотел меня убить! — ей всё же удалось ухватиться за клок волос парня.

— Нет, Оливия. Нет! Не хотел, — он уворачивался от ударов и сжал её кулак, не давая возможности вырвать волосы. — Это всё Клавдия.

— Тогда что ты тут делаешь? — нахмурившись, Оливия сделала несколько шагов назад, выпуская прядь, но в пальцах всё равно застряло несколько волос. — Разве ты не с этой?

— Нет, госпожа, — тихо ответила Титуба. — Он не знал, что задумала Верховная Клавдия. Он принял нашу сторону, если вы, конечно же, примите его в наш ковен.

Оливия сгребла в охапку девушку, разрыдавшись на её плече.

— Как же я соскучилась, — она обхватила щёки служанки, рассматривая заплаканные глаза Титубы и снова притянула её к себе. — Как же я соскучилась.

— Верховная, — сипло пискнула она. — Я не прекращала вас ждать. Вас все ждут. Все разошлись совсем недавно. Но они каждый день приходят к Древу. Почему вас так долго не было?

— Я заблудилась. Не могла выйти из царства Гекаты. Врата не желают отпускать из своих объятий в мир живых.

— Так как же вы? Опять он? Гвиневра видела Рогатого возле врат.

Оливия лишь согласно затрясла головой.

— А там? Он был там?

Оливия отрицательно замотала головой и улыбнулась.

— Куда нам сейчас?

— Оливия, — позвал её Джон. — Может ты выслушаешь меня?

Девушка, с чуть злобным прищуром, обернулась в ожидании. Джон быстро понял, что второго шанса может и не быть.

— Не стоит весь гнев изливать на меня. Я пытался спасти мать.

— Где Адам? — жёстко проговорила она.

— Я не знаю. Честно, — он расстроено покачал головой. — Мы с ним повздорили, когда он вернулся домой. И когда он узнал, что ты уехала — он ушёл. Ещё в Лондоне мама пыталась отыскать его, но, всё что нам удалось узнать — это то, что он вступил в ряды английской армии. Больше его никто не видел, но это не важно.

— Для меня важно, — сквозь зубы прохрипела Оливия.

— Нет, — он отрицательно покрутил головой. — Уже не важно. Двадцать пять лет прошло. Ты же понимаешь, что он стар и мог умереть на войне, или от чумы, даже не дожив до наших дней.

Оливия обхватила ладонь Титубы и с трудом сдерживая слёзы, спросила:

— Куда нам идти? Где мой дом?

Титуба затравленно кинула взгляд на Джона, но он, сдержанно кивнув, остался стоять, пропуская девушек вперёд. Оливия сделала пару шагов, но задержалась, медленно оборачиваясь к мужчине.

— Хорошо. Я приму тебя в ковен, но если ты мне соврал, или соврёшь что-то об Адаме, то знай, — она недобро прищурилась в ожидании, когда Джон остановит свой янтарный взгляд на ней. — Я убью тебя, Джон.

1. Поместье Пемброк

Старое поместье встретило новую хозяйку переменами. Столб посреди двора исчез, а окружающие рабы, а точнее рабыни, были молодыми и юными девицами. Само же поместье не выглядело уныло и устрашающе серым, как раньше. Напротив. Белые балюстрады, украшающие балкон и стеклянные входные двери казались нелепостью в этом царстве, бывшим когда-то обителью боли и страха. Оливия остановилась на пороге дома, с прищуром и недовольством окидывая снующих девиц по двору.

— Почему тут одни девушки? Кто занимается плантациями? Кто управляет поместьем?

— Mr Дейр, — испуганно ответила Титуба.

— Я могу всё объяснить, — тут же подошёл ближе Джон, закуривая сигару.

— Уж потрудись, — она проводила недобрым взглядом одну из смазливых рабынь.

— Я был эсквайром. После твоей казни и отказе вернуться в ковен Клавдии, мне пришлось продать все земли в Сейлеме и выкупить твоё поместье. Ведь наследников чета Пемброк не оставила, а я посчитал своим долгом вернуть его тебе.

Джон добродушно улыбнулся и, словно нечаянно, коснулся кончиками пальцев ладони девушки. Оливия с подозрением посмотрела на Джона и, вырвав сигару из его губ, швырнула её на землю.

— В моём доме не курят.

— По документам он всё же…

— Подумай хорошенько, прежде чем закончить предложение, — усмехнувшись, она вошла в поместье.

Джон лишь весело хохотнул, пропуская девушек вперёд.

— О боже, — ошарашенно протянула она, оказавшись внутри.

— Нравится? — огладив подбородок, Джон с гордостью осматривал дорогие шторы и изящные обнажённые скульптуры женщин и фавнов.

— Очень, — процедила сквозь зубы она.

Оливия без восторга и без интереса прохаживалась по гостиной, прикасаясь к статуэткам и помпезным вазам.

— Что не так? — удивился он.

— Это и раньше не было моим домом, а сейчас и подавно.

— Ты всегда можешь здесь всё поменять, — но тут же спохватившись, добавил. — Но не спеши. К роскоши быстро привыкаешь.

— Но стеклянная дверь? — она махнула в сторону входа с раздражением. — Неужели за моё отсутствие, Плимут договорился с местными племенами?

— К сожалению нет, — удручённо пролепетала Титуба. — Стычки вспыхивают время от времени. Самое большое кровавое восстание мы пережили в 1675 и 1676г.г., и нам не удавалось договориться с индейцами, но Mr Дейр нашёл с ними общий язык и вождь вампаноагов, Метакомета, больше нам не угрожал, как и другие племена. Поместье и ведьмы полностью под защитой Джона.

Служанка с восторгом и гордостью посмотрела на мужчину. Сердце Оливии кольнуло какой-то детской ревностью. Словно её игрушку кто-то отобрал и сейчас хвастает ею перед другими.

— Приготовь мне воду помыться, — Оливия поморщилась от неприятных ощущений и попыталась придать лицу привычную добродушную улыбку.

— Конечно, Верховная, — девушка быстро взбежала на второй этаж, что-то шикая любопытным рабыням у лестницы. — Я вам приготовлю ванну.

— Что? — непоняла она.

— Это деревянная большая кадушка, сделанная на заказ Джоном, — она покраснела, переведя испуганный взгляд на мужчину. — Mr Дейером, — тут же поправила она себя.

— Тебе понравится, гарантирую, — перетягивая внимание снова на себя, Джон провёл девушку под руку в гостиную.

— Можно узнать, как тебе удалось договориться с индейцами? — Оливия не улыбнулась ему, но в голосе звучали нотки благодарности.

— Моя харизма, моя красота, — заметив скептически сложенные губы Оливии, мужчина огладил подбородок, задорно рассмеявшись.

— И чрезмерная скромность, — ответила ему улыбкой Оливия. — Узнаю своего рыцаря, но всё же?

— Они, оказывается, на дух не переносят ведьм, но уважают и почитают сыновей Цернунна. Не без труда, но всё же мне удалось уговорить их не только не трогать поместье, но и здешний ковен. С условием, что мы не лезем в их дела и на их территорию.

— Ванна уже готова, Верховная, — отчиталась одна из рабынь.

— Кстати! Что ты тут за гарем устроил? — благодарно кивнув чернокожей, совсем молоденькой рабыне, Оливия не спешила покидать гостиную.

— Не беспокойся, дорогая Верховная. Ни один гарем не сравнится с твоей красотой. И так было всегда, — он галантно поцеловал её руку и, усевшись на край стола, достал сигару, но заметив строгий взгляд, убрал обратно в нагрудной карман. — Никто не желает стареть, а убивать пуритан становится опасно. До рабов же нет никому никакого дела, но не волнуйся, мы их не убиваем. По крайней мере уже лет десять. С кровью они расстаются добровольно, в обмен на лучшую жизнь для их положения.

Оливия вопросительно посмотрела на Джона.

— Когда мы были детьми, моя мать чуть не убила тебя, когда нашла способ омолаживаться. До этого она медленно, но старела, как и все мы.

— Элеонора? — Оливия нахмурилась, пытаясь припомнить, когда она ей угрожала.

— Когда Адам хотел тебя скинуть в пропасть, ты поранилась.

— Он не пытался меня скинуть, — злобно проскрежетала девушка от нахлынувших воспоминаний.

Джон тут же примирительно поднял руки и продолжил.

— Твоя кровь попала на её руки во время обрабатывания раны и кожа стала разглаживаться. Пока я ходил за бинтами, она хотела тебя прирезать, но я успел остановить её, если помнишь.

— Я думала, ты мне пирожок пожалел, — смутно припоминая тот день, Оливия покачала головой. — А ещё ты запретил мне к вам приходить.

— Я боялся, что она попытается вновь тебе навредить, — он взял её ладони в свои. — Я знаю, что иногда я невыносим, но поверь… я всегда заботился о тебе. Ты всегда была мне дорога. И дня не проходило, чтобы я не думал о тебе.

Она, погрустнев, опустила глаза в пол, что-то обдумывая.

— Спасибо тебе, Джон, — она сжала его пальцы. — За всё спасибо.

— Не благодари меня, — прошептал он, поднося её ладони к губам. — Я чуть не погубил тебя, когда связался с Клавдией. Но я могу поклясться тебе чем угодно, что понятия не имел об её планах. Я лишь хотел найти тебя. И теперь я постараюсь сделать всё, чтобы остаться твоим рыцарем. Я буду защищать тебя. Я буду помогать тебе. И я всё так же по-прежнему люблю тебя.

Их беседу прервал грохот медного кувшина с лестницы и изумлённо застывшая на ступеньках Титуба.

— Простите, — прошептала она, поднимая кувшин и, покраснев, пряча глаза в пол, принялась передником собирать воду.

Оливия мягко улыбнулась Джону, словно не расслышала последние слова. Поджав губы, поднялась, неспешно выскальзывая из его ладоней.

— Я не держу на тебя зла, Джон. И, как мой рыцарь, ты заслуживаешь похвалу и награду, — она чмокнула его в щёку и выйдя из-за стола, обратилась к Титубе — Показывай свою чудо-ванну.

Девушка согласно кивнула и, не поднимая головы, побежала наверх в тот самый момент, когда в поместье начали стучаться ведьмы.

Оливии дали возможность привести себя в порядок, а вот отдохнуть уже не получилось. Каждая хотела отдать ей дань уважения и преподнести подарок. Вильям, растолкав всех ведьм, заключил девушку в крепкие объятия, отрывая от пола. Его сияющая улыбка и радость встречи показалась многим неуместной и слишком развязанной, но Оливию это не волновало. Она так же радостно приветствовала его, обещая поговорить с ним позже. Джон напрягся и чуть нахмурился, с подозрением прожигая взглядом мужчину, с которым успел сдружится. Вильям, словно почувствовал на себе его взгляд, посмотрел на друга, но Джон уже стоял с привычной ухмылкой на лице, кивая другу, чтобы отойти в сторону и дать другим поприветствовать Верховную. Они пихались, подшучивая друг над другом, пока кто-то из ведем затянул заунывную речь с почестями и восхвалениями. Катерина и Титуба стояли подле Верховной, как самые приближённые. Катерина сияла счастьем, а вот Титуба выглядела расстроенной.

— Всё хорошо? — шепнула Олив ей на ухо, когда начался новый тост.

— Да, Верховная, просто… — она кинула печальный взгляд на веселящегося в стороне Джона и неуверенно улыбнувшись, заверила Оливию, что всё хорошо.

Девушка недоверчиво посмотрела на служанку, но не стала докучать ей расспросами. Лезть без разрешения в воспоминания она тоже не хотела. Она находила это бестактным и неприемлемым для подруг. В конце концов, захочет — сама расскажет.

Все поздравления подытожила Долорес.

— Мы так долго ждали вашего возращения, но ещё дольше ждали, когда вы пройдёте обряд. Теперь! — она подняла высоко над головой бокал вина, чтобы все, кто топтался вдоль стены, мог видеть её руку. — Когда весь ковен в сборе, мы можем наконец завершить подготовку к обряду. А через год связать фюльгью Верховной с Древом ведем. Надеюсь, Цернунн откликнется на её силу и придёт, чтобы сделать её королевой. До здравствует Верховная!

— До здравствует Верховная! Долгих лет ковену! — подхватили сразу со всех сторон.

Затем последовали дружеские беседы и истории, которые произошли за двадцать пять лет. Катерина, овдовев, вышла замуж за местного ювелира. Эбби и Долорес всё так же пекутся о Вильяме, который с Джоном вошли в колониальный Совет Плимута и стали уважаемыми горожанами. Урсула схоронила двух мужей за четыре года и приумножила своё состояние в шесть раз. Гвиневра ещё больше погрузилась в мир мёртвых и стала ещё большей отшельницей и затворницей, чем была. Элеонора, запуганная кознями Эбби и Долорес, осталась жить в Сейлеме в ковене Клавдии. И как бы не было удивительно, но даже сумасшедшая Эмма всё ещё ошивалась где-то на задворках Плимута, всё так же провожая горожан гадкими и пошлыми высказываниями.

Оливия быстро вникла в жизнь Плимута, которая мало чем отличалась от прежней. За исключением только того, что шепотки о ведьмах раздавались всё громче, а показушная строгость и благочестие стали ещё требовательнее. К счастью, замужняя жизнь Оливии с Mr Пемброком, научила её этому всему задолго до введения более жестких требований к внешнему виду, особенно для пуританок. И теперь она была новоприбывшей из Англии миссис Вудроу, дальней родственницей своего покойного дяди Пемброка. Свою фамилию Вуд она побоялась

оставить, а миссис Пемброк она не желала быть и раньше. Поэтому согласилась на предложенный Титубой вариант — Вудроу, как частичное напоминание о прежней жизни.

2. Полнолуние

Оливия, недовольно наблюдала из окна за снующими и готовящимися ко сну рабами. Тревога, как черная кошка в ночном кусту терновника, кралась за ней попятам. Полнолуние. А значит, он придёт снова. Опять затуманит её разум обманчивыми видениями. Но, несмотря на это, глубоко в душе, она понимала, что ждёт этой встречи. С предвкушением, с тревогой и волнением. Что неимоверно злило. Неужели Рогатый Бог сумел её обмануть? Прячась за образом Адама, сумел привязать её к себе? Но это же самообман, — тут же вторил ей голос разума. Он пользуется её отчаяньем и её потерянной любовью. Она каждый раз видит в нём любимого, и каждый раз сама тянется, погружаясь в сомнию, которую не в силах контролировать. Отдаваясь полностью во власть сна.

— Что вас тревожит, Верховная? — тихий голосок Титубы раздался у открытой двери в комнату.

— Сегодня полнолуние, а значит он опять придёт в образе Адама, — тихо отозвалась Оливия.

— Но вы же сами сказали, что сны с ним прекрасны.

— Нет ничего прекрасного во лжи, Титуба, — глухо отозвалась девушка. — Пробуждение оставляет горечь. Иногда я хочу взять под контроль сон, но ничего не выходит. Я не обладаю даром хождения по снам и не могу противостоять ему.

Титуба, нахмурившись, забегала глазами по полу.

— У вас нет дара хождения по снам? — удивилась она.

— Нет. Или я не знаю, как им пользоваться.

— Странно, — тихо добавила служанка.

— Иногда я просыпаюсь после его объятий и проклинаю себя за то, что опять не сказала, где я, но во сне я настолько забываюсь, что принимаю сон за явь. И мне кажется, что у меня никогда не было другой жизни, кроме той, что я прожила в Англии.

— Вы хотите, чтобы он нашёл вас?

— Уже, да, — задумавшись, девушка облокотилась о потрескавшуюся от времени оконную раму. — Раньше я боялась, а сейчас понимаю, что бежать бесполезно и пусть лучше он найдёт меня и всё это быстрее закончится, чем опять просыпаться с разбитым сердцем и терзающей душу тоской.

— Может в этот раз получится? — с надеждой откликнулась Титуба.

— Может, — устало выдохнула Оливия. — Уже поздно. Иди ложись уже. Тебе тоже надо отдохнуть.

Служанка, улыбнувшись, поклонилась и, закрыв за собой дверь, чуть не взвизгнула, зажимая рот двумя руками. За дверью у стены стоял задумчивый Джон. Он даже не обратил внимание на перепуганную Титубу, что-то обдумывая.

— Mr Дейр что вы тут делаете? — прошептала она.

— Ждал тебя, — отрываясь от раздумий, он улыбнулся. — Хотел пожелать спокойной ночи.

Титуба расплылась в игривой улыбке.

— Тогда я приду сегодня к вам, чтобы сделать эту ночь не только спокойной, но и приятной.

— Прости, дорогая, — он смазано чмокнул её в висок. — Сегодня выдался суматошный день. Я очень устал. В другой раз. В другой раз, — он, деловито придерживая девушку за локоть, тянул её в сторону комнаты.

Титуба растерянно захлопала ресницами и приоткрыла рот в немом вопросе, который так и не успела озвучить, так как Джон подтолкнул её в комнату и захлопнул за ней дверь. Тяжело выдохнув, мужчина потёр руки и, ухмыльнувшись своим мыслям, отправился в свою комнату.

***

Оливия ощутила какое-то давящее чувство изнутри. Она оглядывалась вокруг и не понимала, где она. Богатый дом, который могут себе позволить лишь короли и королевы. Да. Это был именно дворец. С роскошными гобеленами и полотнами картин, на которых были изображены нагие тела и запечатлена услада момента влюблённых на ней людей. Всё это казалось таким странным и чуждым, что больше пугало и озадачивало. «Какой странный сон. Сон». Разум зацепился за эту незначительную деталь и давящее чувство внутри усилилось. Такого раньше не было. До того, как она умерла, у неё не выходило отличить сон от реальности, но сейчас всё было иначе. Она понимала, что спит. Оливия прошлась неспешно по холлам и коридорам неизвестного дворца, поворачивая и заглядывая в роскошные палаты и комнаты, пока не дошла до массивных, инкрустированных золотой лепниной, белоснежных дверей. Толкнув податливые створки, её, словно кто-то незримый, подтолкнул в просторную, в бордовых тонах, помпезную спальню. Огромная кровать под тяжёлым балдахином была застелена алыми простынями и закидана шёлковыми подушками. В центре комнаты, сложив руки на груди и задумавшись, оглаживая подбородок, спиной к ней стоял Адам в одних штанах. Его босые ноги утопали в длинном ворсе шкуры, небрежно кинутой на пол.

— Адам? — неуверенно позвала она.

Мужчина обернулся с лучезарной улыбкой.

— Оливия! — он подбежал к ней, заключая в горячие объятия и утыкаясь носом в шею, чередуя слова и поцелуи.

— Как же я скучал. Как же я долго искал тебя, — сбивчиво шептал он, увлекая девушку за собой, ближе к кровати.

— Где мы? — растерянно крутила она головой, пытаясь заглянуть в глаза мужчины.

— Это будуар самой королевы, — елейно протянул он, отклоняя голову и зачарованно наблюдая за реакцией девушки. — Тебе нравится?

— Не знаю, — как-то совсем неуверенно ответила она.

— Ты заслуживаешь самого лучшего, — он склонился и в один момент завладел её губами в жадном поцелуе.

Не сдерживая порыва, мужчина подхватил её на руки. Два шага и вот они у кровати, на которую он бережно опускает девушку, склоняясь над ней. Сон пахнет карамелью и табаком. Он весь, как и сам Адам, пропитан вожделением и похотью. Обнажённые тела на полотнах ожили, продолжая постыдные движения, запечатлённые неизвестным художником.

— Я хочу подарить тебе всю свою страсть и всего себя. Ты не забудешь эту ночь, моя Оливия, — Адам перекинул ногу через её колено, медленно раздвигая её ноги. Жадно огладив бедро, его пальцы устремились вверх, к груди, склоняясь к её губам, растягивая сладостный момент.

— Ты прав, — томно выдохнула она. — Я не забуду эту ночь.

Лицо её исказила гневная гримаса и она хамовато добавила: — Как и ты.

Удар коленом пришёлся аккурат в самое болезненное и уязвлённое место. Мужчина, скорчившись, застонал и рухнул на пол.

— Что ты творишь? Какого чёрта, Оливия?

— Кто ты такой? — жестко и требовательно прохрипела она.

— Это же я! Адам! — болезненно шипел он.

— Ещё раз спрашиваю! — она махнула рукой и из стены вырывались цепи, обвивая конечности Адама и вздёргивая его под потолок. Она произнесла по слогам: — Кто ты такой?

Оливия даже немного удивилась тому, что у неё получилось управлять сном, чего не доводилось делать ранее.

— Оливия! — жалобно простонал он, болтаясь растянутым, рядом с балдахином.

— Адам никогда не называл меня Оливией, — прошипела она. — Даже Рогатый Бог умнее тебя. Кто ты такой? Как пробрался в мой сон? Откуда узнал?

— Чёрт! — выругался он, — Отпусти же! Это я!

Она дернула рукой и цепи натянулись сильнее.

— Джон! Я Джон! — выкрикнул он и с воплями упал на шкуру возле кровати.

— Сумасшедшая! — принимая свой естественный облик, Джон потирал ушибленные места.

— Какого чёрта? — пнув под рёбра не для боли, а ради унижения, прорычала ведьма.

— Прости, — поднимаясь с ковра, Джон, тяжело дыша, уселся на край кровати. — Я не думал, что ты меня раскусишь.

— Говори, — злобно рыкнула она.

— Я подслушал твой разговор с Титубой и решил, что нет ничего в том, чтобы немного пошутить. Это же всего лишь сон, — он попытался улыбнуться, но наткнувшись на рассерженный взгляд Верховной, принял серьёзное выражение лица. — Прости. Я не хотел тебя обидеть. Глупая шутка вышла.

— Значит, когда я тебя приняла в ковен, ко мне перешёл твой дар. Теперь я могу управлять сном, — промямлила Оливия, не обращая на извинения Джона никакого внимания.

— Конечно. Я могу принять любой облик для тебя, — зашептал он, подходя со спины и пытаясь обнять девушку.

Она резко развернулась и тыкнула ему в грудь пальцем.

— Ещё раз такое проделаешь, и я выгоню тебя из ковена.

— Но теперь ты ходящая по снам, благодаря мне, — он коварно улыбнулся и принял облик Адама. — Подумай сама, чего лишишься.

Она задохнулась от возмущения и собиралась вычитать колдуна, но пол под ногами пошатнулся, издавая громкий лязг и скрежет. Треск с грохотом перекатился волной в стены, с которых посыпалась штукатурка.

— Что происходит? — она испуганно вцепилась в локоть Джона, бегло окидывая взглядом спальню.

Второй толчок был сильнее. Стены и потолок пошли трещинами, из которых начали выпадать куски перекрытий и кирпичей. Джон растерянно крутил головой, не зная, что ответить. Третий толчок был такой силы, что раскрошил комнату на куски и обломки, разлетевшиеся в искажённом пространстве пустоты в один миг. Оливия взвизгнула и уткнулась лбом в грудь «Адама». Но обломки не засыпали их. Они медленно летали и ворочались, словно ленивые тюлени в невесомости. Над головой, под ногами и по всему пространству. На одном обломке, Олив с Джоном, пошатываясь, пытались удержаться.

— Что происходит? — испуганно выдохнула она. — Зачем ты это делаешь?

— Я ничего не делаю, — настороженно оглядываясь, шептал Джон.

Оливия напряглась и вытянулась, словно струна, когда увидела вдалеке долговязый силуэт из-за плеча мужчины. Она ещё сильнее вцепилась в локоть Джона, привлекая его внимание.

— Кто это? — нахмурившись и совсем тихо спросил он.

Оливия молчала. Она, словно под гипнозом, наблюдала за тем, как из пустоты в их сторону вышагивал Адам, в синем французском солдатском мундире и белой рубашке. Он шёл своим привычным размеренным шагом по обломкам, которые сами устремлялись под его ступни, не давая сбавить темп. Его лицо было перекошено злобой и ненавистью, от замершего в изумлении двойника подле Оливии.

— Мерзавец, — прохрипел он, приблизившись и выдёргивая Оливию к себе на обломок, который колыхнулся, словно льдина и медленно начал отплывать вдаль. Джон ошарашенно наблюдал за действиями брата, даже не пытаясь помочь Оливии, или попытаться вернуть её обратно. Он, шокированный происходящим, молча наблюдал за мужчиной, который приобнял девушку двумя руками за талию, прижимая её спину к своей груди, и гневно прожигал взглядом Джона.

Оливия была потрясена не меньше, чем Джон. Она без сопротивления, словно кукла, перекочевала в руки Адама.

Когда они отплыли чуть дальше, он неспешно развернул её к себе. Только тогда его черты лица смягчились и с какой-то болью оглядели испуганное лицо девушки.

— Как ты, Олив? — с нежностью и тревогой в голосе спросил он. — Сильно испугалась?

Он чуть улыбнулся, но его ледяных глаз радость встречи, казалась, не затронула.

— Не так я представлял нашу встречу после длительной разлуки.

Оливия нервно заморгала и протестующе замотала головой.

— Ты меня больше не обманешь, — сдавленно выдохнула она.

— Ты научилась ходить по снам? — эта догадка вызвала на лице мужчине довольную ухмылку. — Это хорошо. Теперь ты можешь сказать, где ты?

Оливия, всё ещё под впечатлением от произошедшего, приоткрыв рот, смотрела на Адама.

— Я не могу приходить к тебе каждую ночь, — удручённо заговорил он. — Ты слишком далеко. Только, когда Луна входит в полную фазу, я могу наведаться к тебе в сон. Помоги же мне. Где ты?

Оливия сама не поняла, как это сделала и зачем, но переместилась в старое поместье Пемброков. Таким, каким она его запомнила. Серым, мрачным и пустым. Адам задумчиво посмотрел вокруг и чуть поморщился, разглядев за окном столб для наказания рабов. Перевёл взгляд на просторный, но скромный в убранстве зал. Мужчина хотел отпустить девушку, чтобы лучше осмотреться, но, словно испугавшись, наоборот приобнял.

— Что это за место? Ты тут живёшь или здесь тебя убили?

Оливия невольно обвила его торс руками и уткнувшись носом в грудь мужчины, разрыдалась словно маленькая девочка. Обида, горечь, обман Джона, теперь Рогатый Бог потешается над ней. Но почему-то в его объятиях она нашла успокоение и дала волю эмоциям. Тешив себя призрачной надеждой, что он — единственный, кто ждал её возвращения без какой-либо корысти для себя, или она просто ещё не знала о ней, но так хотелось верить, что её нет.

— Тише, — зашептал он, прижимая к себе и проводя ладонью по волосам. — Не надо. Не плачь. Я не знаю, что с тобой произошло, но я накажу всех, кто причинил тебе хоть какой-то вред. Я переверну все миры, лишь бы ты больше не огорчалась. Ты же моя, маленькая Олив. Моя любимая.

Его голос убаюкивал, принося облегчение и успокоение, а он продолжал говорить и говорить.

— Я заберу тебя с собой. Мы поселимся, где-нибудь на юге Франции, или в снежных горах Норвегии, или в любом другом месте, где тебе понравится. Я открою для тебя новый мир, который раньше принадлежал всем нам.

Оливия, отрываясь от груди, оглядела французский мундир и вгляделась в лёд глаз, которые безотрывно наблюдали за ней с теплом, столь не характерным для Адама. Он загадочно улыбнулся и, вытерев последнюю не иссохшую слезинку на щеке девушки, поцеловал в лоб у самого роста волос. Поднял руку и раскрыл ладонь.

— Надеюсь, тебе понравится, — на ладони красовался маленький серебряный перстень с серой жемчужиной.

— Пока я искал тебя, я объездил полмира. Не нашёл тебя, но нашёл то, что так мне напоминает твои глаза. Пока ты сможешь видеть его только во сне, но когда я приду за тобой, то он будет твоим.

— Что это? — она рассматривала изящное плетение серебряных нитей вокруг круглой большой серой бусины с радужным переливом.

— Это серая жемчужина из Южных морей. Обрамил её кузнец из Дании.

— Дании? — девушка удивлённо посмотрела на Адама.

— Да, родная. Я ищу тебя везде и давно, — он взял её за руку и ловко скользнул по тонкому безымянному пальцу кольцом.

— И жена облачена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями, — Адам процитировал одну из глав книги Апокалипсиса, склоняясь и приподнимая девушку за подбородок.

— И жемчугом, — продолжила за ним Олив, прикрывая глаза и растворяясь в поцелуе.

Неспешный, сладкий и тягучий как мёд поцелуй, заволакивал и утягивал в грёзы, туманил разум и кружил голову обоим. Адам впервые позволил себе упиваться губами любимой во сне, хоть и считал это неправильным, так как грёзы остаются грёзами. Но так хотелось поддаться им и раствориться в них, но холодный разум говорил, что нет. Это не то место, где можно остаться. А девушка продолжала жадно тянутся за его губами с прикрытыми трепещущими ресницами. Отрываясь от нежных губ, на лице мужчины заиграла обольстительная улыбка.

— Я понимаю твоё желание. Оно отзывается во мне, словно песня ангелов небесных, но лучше мы к этому вернёмся наяву.

Оливия тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Осмотрела поместье непонимающим взглядом и нахмурившись, уставилась на Адама, уперев руки в широкую грудь.

— Как ты это делаешь со мной? Я ведь понимаю, что это сон и могу им управлять, — раздражённо прошептала она.

— Я ничего не делал. Это делаем мы. И сомния. Не всё может быть подконтрольно нам.

— Что за игры? Скажи уже честно. Кто я для тебя?

Адам на миг дёрнул бровью в изумлении, а потом, с намёком на улыбку, всё же принял серьёзное выражение лица.

— Когда ты приняла дар и разделила со мной ночь, я нарёк тебя своей женой.

— Что? — возмутилась девушка, отталкивая мужчину. — Я не давала согласия!

— Но ты же сама… — растерянно начал Адам, но Оливию уже было не остановить.

— Зачем ты приходишь ко мне каждое полнолуние? Ты копошился у меня в голове и решил, что этот образ наилучшим образом подойдёт, чтобы одурачить меня?

— Ты сама меня избрала, — сдвинув брови, мужчина понизил голос до угрожающего тона. — Я не брал тебя силой, как это делает мой отец, или обманом, как некоторые братья.

— Ты прячешься за внешностью Адама, но сейчас я вижу обман, Рогатый, — чуть обиженно, но требовательно, она чеканила каждое слово, иногда прищуривая глаза, когда раздражение брало верх. — Покажи своё истинное лицо.

Мужчина отвернулся и тихо смеясь, отошёл к окну, где было больше света. Когда он обернулся, то улыбки уже не было. Суровое и хмурое лицо с пронзительным взглядом показалось чуть осунувшимся и недовольным.

— Покажи, — более требовательно произнесла Олив.

— Хорошо. Я покажу, но неужели ты всё это время думала, что я выдаю себя за кого-то другого?

— Покажи, — полушёпотом прошипела ведьма.

Адам, внешне спокойный и сдержанный, сейчас кипел и бурлил, словно похлёбка в горшке. Между бровей пролегла морщинка негодования и раздражения. Он резкими и рваными движениями снимал с себя одежду. Оливия напряглась и сделала осторожный шажок

назад. Потом ещё один. Когда мужчина рванул рубашку, на груди показался рисунок. Похожие носили на себе индейцы, но его отличался. Рисунок от ключиц уходил треугольником вниз рунами и неизвестными Оливии закорючками. На правом плече такие же закорючки складывались в изящный рисунок, чуть спускаясь вниз, где на запястье был изображён переплетённый браслет. На левом плече красовалась руна, а ниже, вокруг бицепса проходили линии, складываясь в широкий браслет.

— Ты индеец? — с распахнутыми в изумлении глазами, Оливия рассматривала неизвестные ей письмена.

Адам замер, медленно стягивая рубашку с кисти, за которую зацепился манжет.

— Значит мои выводы верны, — победоносно улыбнувшись, он повернул голову в сторону испуганной Оливии. — Далеко же ты упорхнула от меня, птичка. Скромность дома, столб для рабов, индейцы… В какой ты колонии?

Девушка сделала судорожный вдох и исчезла под дикий рык разгневанного мужчины.

— Нет!

***

— Оливия! Оливия! — дерзкий голос Джона и крепкие руки, которые её трясли за плечи, причиняли максимальный дискомфорт. От головной боли до звона в ушах.

— Хватит, — замахала она руками отбиваясь, — Я проснулась! Проснулась!

— Что он сделал? Что сказал? Он обидел тебя? — затараторил Джон, продолжая встряхивать её за плечи.

— Ничего! — уворачиваясь и перекатываясь на другой край кровати, девушка недовольно поправляла на себе ночную сорочку. — Он не успел. Ты разбудил меня.

Джон облегчённо выдохнул, выпрямляясь и присаживаясь на край кровати.

— Чего он хотел?

— Найти меня, — Оливия сидела на противоположном краю кровати и не видела, как напряжённо смотрел на неё Джон.

— Я сделаю всё, чтобы он не добрался до тебя, — серьёзно заверил её мужчина.

— Он знает, что я в Новой Англии, а мне ещё нужно решить вопрос с Верховной Клавдией.

— Пока затаишься, чтобы восстановиться. Я помогу избавиться от снов. Вдвоём это будет сделать легче.

— Может будет лучше, если Рогатый Бог найдёт меня? — неуверенно спросила она.

Джон, нахмурившись, долго присматривался к девушке, а потом тихо заговорил.

— Не будет лучше. Он дьявол. Бог обмана и лжи.

— А если он и в самом деле Адам? — с надеждой в голосе выкрикнула Оливия.

— Нет, Оливия! Это не Адам, — злобно, но уверенно проскрежетал Джон, поднимаясь с кровати и направляясь к двери. — Сегодня он тебя больше не потревожит. Я прослежу за этим. Можешь отдыхать.

— Хорошо, — тихо отозвалась Оливия, в задумчивости рассматривая золотой круг Луны в тёмном окне.

Джон вышел из комнаты, закрывая дверь и прижимаясь спиной к тёплому дереву. Прикрыл глаза, сжимая челюсть и с негодованием играя желваками.

— Что ж, братец, — прохрипел он. — Надо напомнить тебе, где твое место, неудачник.

3. Смерть Верховной

Джон беспрекословно оформил поместье Пемброков на Оливию и переехал в город, поближе к городскому Совету, в дом Вильяма. Его частые визиты в поместье миссис Вуд, а точнее Вудроу, вызывали много осуждений и сплетен у горожан, но Оливия своим покорным и набожным видом развеивала их постоянными визитами в молельный дом. Слухи до Верховной Клавдии, о том, что Оливия уже в городе, дошли быстро. Она выказала своё почтение коротким письмом «Всех благ и процветания ковену Плимута, а также мои наилучшие пожелания Верховной Оливии. Надеюсь, наша последняя встреча стала для неё уроком, а не поводом к вражде». И размашистая, каллиграфическим почерком, приписка «Навечно ваша подруга Клавдия».

— Нет смысла затевать драку мышам, когда все коты на охоте, — проскрипела севшим голосом, от пристрастия к табаку, Долорес, когда Оливия, изорвав письмо на мелкие кусочки, закинула клочки пергамента в камин.

— Я уже месяц сижу, как крыса, в своём особняке и боюсь носа показать, — прорычала Оливия, поглаживая крысу на руке и извиняюще почёсывая её за ухом.

— Это малая цена за безопасность, — соглашаясь с Долорес, Катерина пошевелила угли в камине.

— Чего она хочет от нас?

— Она хочет, чтобы меня наказали за убийство Верховной, которое я не совершала, — усмехаясь, покачивалась в кресле-качалке Долорес, выпуская несколько больших клубов дыма.

Оливия насупилась, рассматривая старуху. В комнате присутствовала Титуба и Джон, которые время от времени перекидывались неоднозначными взглядами.

— Покажи мне свои воспоминания, — жёстко потребовала Оливия.

Долорес, затянувшись сигарой, внимательно посмотрела из полуприкрытых век на девушку, что-то обдумывая.

— Если ты этого на делала, то тебе нечего скрывать. Это будет твоим доказательством невиновности.

— Как скажите, Верховная, — улыбнувшись, старуха затушила сигару в глиняной пепельнице и качнулась вперёд, останавливая кресло. — Смотрите, но не пожалейте потом об этом. Ведь и вам предстоит пройти через это. Иногда лучше не знать о неудачном исходе, а надеяться на милость Бога.

Девушка настороженно подошла ближе и замерла, вглядываясь в морщинистые, хитрые глаза женщины. Время остановилось и растянулось, словно волос, который вот-вот лопнет. Пробежавшись взглядом по натянутой нити, Оливия остановилась на яркой вспышке, окунаясь в неё. Стены вокруг растаяли, словно они были из воска. Опадая и плавясь, они погружали девушку в ночной густой лес. Разряженный воздух подсказал ей, что она где-то в горах, в совершенно незнакомом месте. Под ногами скользили булыжники, покрытые мхом и лишайником. Деревья и кустарники росли прямо на холодных серых камнях. Впереди виднелось светящееся огненное пятно, которое гудело монотонным песнопением. Приближаясь к нему, девушка распознала собравшиеся силуэты в бордовых плащах у высокой плиты с непонятными надписями. Ведьмы, искорёженные и перекошенные от шрамов и увечий Цернунна, в своём истинном облике, шептали и напевали заклятия. Их уродливые лица были обращены к каменному кругу, вокруг которого, у основания вились руны, а в центре горел костёр. На небе, над плитой светила яркая, полная Луна. Оливия пригляделась к надписям и рунам, хмурясь и вспоминая, где могла их видеть. Свет от костра дрогнул, раскидывая мечущиеся блики по гладкой поверхности плиты, подбрасывая воспоминания о первой ночи с Адамом. А потом его полуобнажённое тело, с похожими символами и надписями. Оливия не стала заострять внимания на рунах

и присмотрелась к собравшимся. Никого из них она раньше не видела, кроме Долорес. Ещё удивило то, что среди собравшихся не было колдунов. Только ведьмы.

— Прими свою судьбу, Верховная Кирка, — Долорес подвела прекрасную нагую девушку к огненному алтарю. — Если ты наречённая жена Цернунна, то призови своего мужа.

Девушка без страха поднялась на высокий борт круга и, шагнув в костёр, произнесла: — Ignis sum (я огонь).

Одна из ведем поднесла ей бокал. Девушка выпила и, вернув бокал, посмотрела перед собой на алтарь, ещё увереннее произнеся: — Aquam sum (я вода).

Глубокий вдох: — Ego sum caeli (я воздух).

Девушка протянула ладони, в которые одна из ведем вложила горсть земли. Девушка обтёрла щёки и лоб.

— Ego sum terra (я земля).

Верховная Кирка вышла из костра, вставая перед каменной плитой, которая пошла трещинами, открывая чёрный провал неизвестности, из которого рвался ветер и летел пепел.

— Проси нашу Богиню защитить тебя, — Долорес протянула девушке пятнистую ящерицу.

Девушка, приняв своего фамильяра, вытянула руку перед собой.

— Ego sum more (я смерть), — со всей силы сжала пальцы в кулак, раздавливая хрупкое пресмыкающееся.

— Ego sum vita (я жизнь), — она раскрыла ладонь и поднесла к себе живую ящерицу. Заботливо обхватив её двумя руками, она ждала. Песнопения смолкли. Напряжённая тишина нарастала. Минута, другая, но ничего не происходило.

— Не печалься, дорогая, — подходя ближе, Долорес подала плащ. — Ты прошла посвящение и это главное, а то, что Бог не ответил на твой призыв…

Договорить старуха не успела. Из чёрного провала темноты вынырнула уродливая, гнилая морда в опарышах и с изорванными, обвисающими кусками кожи на щеках. Серые рога угрожающе крутанулись из стороны в сторону. Отыскав свою цель, Рогатый с рёвом ухватился когтистыми лапами за обнажённую красотку, утягивая её в чёрную неизвестность.

Картинка перед глазами Оливии поблекла и окрасилась молочными красками. Солнце ещё не вышло из-за гор, а туман, стелившийся по камням, клубился во впадинах и извилинах уходящих троп. Всё то же место у потухшего костра. Утомлённые ожиданием, ведьмы не скрывали своей радости. Цернунн избрал их Верховную и сделает королевой. Он ответил на её призыв, а значит всё получилось. Ожидание встревожил звук крошащегося камня. Миг, и исписанная рунами плита треснула, рассыпаясь на мелкие кусочки, словно выплёвывая поглотившую до этого Верховную. Окровавленная, без кожи, она распласталась на земле с диким воем и криком. Кожа на лбу была выдрана, на черепе виднелись жёлтые борозды от когтей. В волосах судорожно дёргался оторванный хвост ящерицы. Долорес ухватила пятнистый ошмёток, но он рассыпался у неё в руках пылью.

— Он отнял у неё дар, — в ужасе проговорила вслух Долорес, высыпая горсть пепла на землю. — И убил фамильяра.

Верховная ещё громче взвыла. Она перевернулась на четвереньки и поднявшись, рванула прочь. Потом видение повторилось. Оливия уже ранее видела, как Долорес пытается догнать незнакомку, но у неё ничего не выходило. В тот раз она оборвала это воспоминание, но не сейчас. Оливия видела, как у самого обрыва бывшая Верховная остановилась, не решаясь сделать шаг. Долорес продолжает уговаривать, но, когда девушка обернулась, старуха онемела. В глазах Верховной была лишь пустота и обречённость.

— Я больше не Верховная. И даже не ведьма. Помоги мне, — жалобно прошептала она. — У меня не хватает сил сделать шаг.

— Нет, — категорично замотала головой ведьма.

— Прошу, — ещё жалобнее проговорила она, — Ты же всегда была ко мне добра, ма...

Она не успела договорить. Жилистые руки старухи уже толкнули её в плечи. Резкий рывок выбил из лёгких воздух. Оливия задохнулась потоком ветра, ударившим в лицо. Она падала с горы, прямо в гладь тёмных вод, вместе с окровавленной Верховной. Она видела её распахнутые в каком-то обречённом изумлении глаза и рот, исказившийся от страданий. Её изодранная в клочья рука тянулась прямо к лицу Оливии. Оливия завизжала и отпрянула от мирно покачивающейся в кресле Долорес. Она ошарашенно ощупала себя и нервно оглянулась на присутствующих, которые с непониманием смотрели на свою Верховную. Все, кроме Катерины, которая застыла с кочергой в руках у камина. Джон подошёл и приобнял её за плечо, стараясь успокоить.

— Долорес не виновна, — задыхаясь от пережитого падения, Оливия глотала слова. — Она не будет наказана. Так можете и передать Клавдии.

— Сейчас рано, — возразила Долорес. — Скоро праздник, а тебя надо ещё подготовить. Отправишь к ней делегацию ведьм, но не раньше, чем через год. Ты уже достаточно сильна, чтобы прожить первый год как Верховная, а не ведьма в обучении.

— Хорошо. Пусть будет так, но к какому празднику мне надо готовиться?

— Скоро Солнцестояние, — не отрываясь от камина, подала голос Катерина, — Не успеешь оглянуться, как наступит Вальпургиева ночь. Ты, хоть и не прошла посвящение, но можешь праздновать и напоить нас и Древо новыми силами. Тебя долго не было, а одними убийствами невозможно поддерживать его мощь. Жертвоприношение его напитает на год вперёд. И так отпадёт необходимость стягивать к нему очередных бедолаг. Ведь в день Солнцестояния одна жертва за дюжину сойдёт.

Оливия согласно кивнула, не без неприязни, выбираясь из навязчивых объятий Джона. Она в раздумьях покинула комнату. Следом за ней вышли и остальные. В комнате остались лишь Джон и служанка. Титуба, приподняв юбки, хотела обойти мужчину, но он удержал её за локоть, резко дёрнув на себя и прижимая её спину к груди.

— Ты думаешь я не видел твоего лица? — жёстко процедил сквозь зубы он.

— Так больше не может продолжаться, — раздувая от злости ноздри и сложив тонкой полоской губы, Титуба смотрела перед собой, не пытаясь вырваться.

— Я ничего тебе не обещал, — шикнул Джон.

— Верховная имеет право знать, что мы все эти года были любовниками, — она вывернулась и, развернувшись к мужчине, с презрением осмотрела его наглое лицо. — Ты думаешь, что я не вижу, как ты пытаешься добиться её расположения и ухаживаешь? Но при этом, каждое утро просыпаешься в моей постели.

— Глупышка, — Джон толкнул её к открытому окну и одним рывком усадил на подоконник.

— Остановись, — Титуба перехватывала его руки, задирающие платье и сдирающие лиф платья вниз, но её борьба слабла с каждым прикосновением горячих губ Джона на коже.

Мужчина присел и нырнул под юбки девушки, от чего её стон прокатился по пустому двору и сразу же прервался зажимаемой рукой.

— Ты всё ещё хочешь, чтобы я остановился?

— Заткнись, — она скинула его руку с лица и надавила на плечо, чтобы мужчина продолжил.

— В таком случае сама заткнись, — он нагло улыбнулся и снова нырнул под юбки.

4. Солнцестояние

За ночь до праздника, ведьмы сновали по городу в поисках приглянувшихся мужчин. Каждая выбирала по своему вкусу кандидатов для предстоящего праздника. Для этого им не требовалось их уговаривать, или заманивать. Достаточно было прикоснуться к любому открытому участку кожи жертвы и тихо произнести заклинание — Solstitium te exspectat (Солнцестояние ждёт тебя). Пальцы, измазанные заговорённым элексиром, оставляли на коже жертвы чёрное клеймо. Оно просачивалось под кожу и пульсировало под ней до конца праздника.

Оставляя метку на ничего не подозревающих мужчинах, проходящих в толпе, или занятых работой, ведьмы быстро скрывались. Вечером заклеймённые не вернутся домой. Под действием заклинания, они сами придут в назначенное место и к назначенному времени. А потом вся ночь для них станет сном, который забудется с первыми лучами Солнца. И они вернутся домой, опьянённые и усталые, но не все. Кто-то из них навсегда останется в чреве старого вяза.

Колдуны сооружали костры, увенчивая их вершины знаком Засеянного поля. Деревянный трон перед Древом ведьм был устелен шкурами и оберегами. На противоположной стороне был трон поменьше, для Верховной.

— Для чего тот трон? — наблюдая за работой колдунов, Оливия помогала нескольким ведьмам украшать окружающие деревья оберегами из веточек, кожи и перьев.

— Мы верим, что Рогатый Бог сидит на нём и наблюдает за нашим торжеством. Его всегда ставят у Древа и не подсвечивают кострами и факелами. Тем самым сохраняя интригу и оставляя загадку. Он действительно восседал на нём, или нет? Долорес говорит, что когда-нибудь он действительно явится на праздник и примет непосредственное участие, как это было раньше, — ведьма, кажется обладающая магией воздуха, раскладывала маски на свернутые плащи у тропы.

— А маски для чего?

— Это праздник Рогатого Бога и на его праздновании не должно быть произнесено ни одного имени, кроме его. Маски всех обезличат.

— А если я узнаю кого-то под маской? — не отставала Оливия.

— Ты всё равно не должна называть его по имени, — присоединилась к их разговору Титуба. — Только имя Бога.

Долорес, до этого командующая, куда лучше расставить скамейки, а куда бочки с вином, приблизилась к ведьмам.

— У меня для тебя подарок, Верховная, — старуха протянула тряпицу.

Оливия приняла подарок, с интересом разворачивая его. В ткань был завёрнут небольшой серебряный кинжал, инкрустированный рубинами и алмазами. Восточная вязь на лезвии была похожа на непрерывную волну.

— Когда-то он принадлежал моей дочери, — со скатившейся скупой слезой сказала Долорес, — пусть твоя рука не дрогнет.

Оливия обняла старую женщину с благодарностью.

— Не дрогнет.

— Только прошу, — отстраняясь, продолжила Долорес, — если решишь провести ночь с колдуном, то не приноси его в жертву. Их и так у нас мало, да и ведьмам это не сильно понравится.

— Не буду, — твёрдо ответила Оливия. — Я не буду выбирать колдуна на празднование. И предупредите всех колдунов, что на празднования я не оставлю в живых жертву. Путь даже не подходят ко мне.

— Спасибо, Верховная, — старуха с благодарностью склонила голову.

***

— Пора, — Гвиневра, в маске ворона, помогла надеть маску Оливии и смотрела на неё через отражение в зеркале. — Вы прекрасны, Верховная.

Девушка проверила под белой сорочкой, закреплённый на бедре кинжал.

— А если пойдёт что-то не так?

— Всё пройдёт как надо, — заверила её женщина. — Они будут под действием заклинания и уже опоенные вином. Они даже не поймут, что произошло.

— А если рука дрогнет?

— Тогда разрежьте свою ладонь и его. Смешайте кровь. Так вы дадите ему право на жизнь и надежду на продолжение вашего страстного романа.

Девушка огладила открытые щёки и пригладила на лбу и висках ярко-жёлтые перья птичьей маски.

— А в Вальпургиеву ночь тоже все будут в масках?

— Нет, — рассмеялась женщина. — Это уже наш праздник, а не Рогатого Бога. На нём мы восславляем нас и нашу Верховную, поэтому нет необходимости славить только Рогатого.

Оливия поднялась с пуфа, оборачиваясь к десятку женщин в белых сорочках и звериных масках, которые полностью скрывали их лица. Ведьмы склонили головы и разошлись в стороны, пропуская свою Верховную.

Ведьмы в полной тишине шли по лесу. К ним с разных сторон присоединялись в плащах и масках колдуны и местные мужчины. Кто-то вцеплялся в ладонь понравившегося мужчины, не дойдя до торжества, тем самым обозначая его, как свою жертву. Приблизившись к небольшой лесной опушке, на которой уже полыхали костры и танцевали под барабаны опьянённые мужчины и ведьмы, Оливия остановилась. Она подняла руку и всё стихло. Маски в отблесках костра выглядели таинственно и одновременно жутко. Звериные морды повернулись в сторону Верховной.

— Пусть праздничная ночь утолит жажду нашего Древа и Рогатого Бога, — Оливия, вздёрнув руки к небу, сделала несколько пассов пальцами, одновременно, с рядом стоящими ведьмами.

Костры взвыли с гулом к небу, раскидывая фонтаны искр. Обереги на деревьях тускло засветили зелёным светом, словно на них расселись сотни светлячков. Музыканты с новой силой ударили в барабаны. Белая дымка клубами окутала щиколотки танцующих и ликующих ведьм и мужчин у костров. Скрывая траву и придавая невесомость движениям танцующих, словно всё происходит на облаке, а не на земле.

— Позволите? — мужчина в маске волка протянул руку девушке.

— Колдун?

— Ваш рыцарь, — насмешливо отозвался Джон.

Оливия прошла мимо, не приняв его предложения. Ладонь мужчины сжалась в кулак, на котором проступили вены. Девушка села в своё кресло, осматривая танцующих и веселящихся мужчин. Взгляд не мог зацепится за кого-то конкретного. Маски сменялись перед ней, превращаясь в хаотичный калейдоскоп. Некоторые, развалившись на траве, смеялись и пили вино. Другие, не обращая внимание на танцующих, придавались утехам в молочной дымке, которая их не скрывала. Голые тела мелькали в отблесках огня, или кружили в хороводах, а Оливия никак не могла определиться со своим выбором.

К ней подошла женщина в маске белки. По вьющимся рыжим локонам, раскинутым по плечам, Оливия догадалась, что это Эбби.

— Старуха не предупредила наших колдунов?

— Предупредила. Но похоже особо настырных это не останавливает, — она угрожающе потрясла кулаком, идущему в их сторону мужчине в маске вепря.

Парень остановился и заколебался, не решаясь пойти вперёд, или назад. Танцующая девушка-бабочка выскочила из хоровода, утягивая за собой замешкавшегося вепря в танец. Он закружился с ней, исчезая в общем гомоне.

А в сторону Оливии уже шёл другой мужчина. В потёртой кожаной маске на всё лицо, с прорезями только для глаз и торчащими в стороны рогами быка. Оливия затаила дыхание, рассматривая сошедшего с картинок Геракла. При ходьбе, его мышцы на ногах перекатывались буграми, жилистые мускулистые руки были во множестве застарелых и свежих ожогах.

— Рекомендую, — поднося ладошку ко рту, который и так был скрыт за беличьей маской, Эбби игриво мурлыкала на ухо Верховной. — Местный кузнец. Сама лично подбирала его.

Оливия, завороженная приближением титана, даже не нашлась, что ответить. А мужчина, приблизившись, без вопросов поднял её на руки и понёс к Древу, через толпу танцующих и извивающихся под ногами в тумане тел.

— Ты даже не спросишь меня? — Оливия потянулась к бедру, проверяя кинжал.

Мужчина поставил её на ноги возле Древа и двумя руками, одним резким движением разорвал на ней сорочку пополам, откидывая в стороны.

— Стой! — она, выставляя руку вперёд, быстро выхватила кинжал другой.

Мужчина замер на месте, не двигаясь.

— Госпожа не желает меня? — пробасил грубый голос.

Оливия растерялась. Вся ситуация была какая-то абсурдная.

— Ты мне нравишься, но…

Мужчина сделал к ней шаг и, опустившись на колени, приподнял маску с губ, приникая ими к её животу. Оливия направила остриё кинжала в шею мужчины, но он продолжал целовать нежную кожу и ласкать её горячим языком, опускаясь всё ниже.

Рука задрожала и чуть не выронила кинжал от нахлынувшего возбуждения.

— Чего вы хотите, госпожа? — мужчина посмотрел на неё снизу вверх.

— Продолжай, — не убирая кинжала, Оливия закинула одну ногу ему на плечо.

Мужчина послушно продолжил ласки. Перед замутнёнными от возбуждения глазами уже происходила полная вакханалия. Мужчины и женщины сливались в страстных поцелуях и переплетались телами в немыслимых позах. Где-то пролилась первая кровь, но туман надёжно скрыл безжизненные тела. Движения языка мужчины были настырными и хаотичными, и этого вполне хватило на то, чтобы Оливия зажмурилась и гортанно застонала, сотрясаясь в оргазме уже через минуту. Мужчина принял это как призыв и, подхватив за бёдра Верховную, прижал её спину к стволу дерева, закидывая её ноги себе за спину и вжимаясь бёдрами до самого упора. Он, размашистыми движениями входил и выходил из разгорячённого его ласками тела, выбивая воздух из лёгких и опаляя щёку Оливии горячим дыханием. Спина заныла от царапающей кожу коры. Монотонные движения кузнеца, казались растянулись на целую вечность, что не приносило удовольствия, а лишь неприязнь. Останавливаться кузнец, кажется, не собирался вовсе, хотя внизу уже всё болело и натирало, причиняя боль и дискомфорт. Стиснув зубы, Оливия с трудом протиснула пальцы между его рукой и бедром, вытягивая кинжал. Она, уперев руку в грудь мужчины, чуть отстранила его от себя и, замахнувшись, наотмашь полоснула его по шее. Кровь тёплыми каплями прыснула на лицо и потоками потекла на грудь. Мужчина, сделал ещё несколько движений, прежде чем разжать ладони и выпустить ведьму. Пошатываясь, он сделал шаг назад и, завалившись набок, захрипел. Оливия крепче зажала кинжал в трясущейся руке. Она, не выказывая своего волнения и сдерживая адреналин, который бил в ней фонтаном, вскинула подбородок. Переступила через ноги мужчины и прошла в сторону трона. Ведьма кинула мимолётный взгляд на кузнеца, но быстро отвела глаза в сторону, когда Древо обвило корнями ещё живое, подёргивающееся в агонии тело мужчины и утащило в расщелину. Ноги девушки дрожали от напряжения и от приложенных усилий удержать равновесие. Ступни скользили по траве. Она догадывалась, что это не утренняя роса, а пролитая кровь жертв сего-

дняшней ночи. Оливия, дойдя до трона, остановилась. Резко развернулась и, схватившись за подлокотники, неспешно села с прямой спиной. Она осматривала происходящее на поляне не поворачивая головы, словно проглотила палку. Некоторые тела уже подтаскивали к Древу, а другие продолжали лежать у костров, подёрнутые туманом.

— Вы всё сделали правильно, Верховная.

Оливии не пришлось оборачиваться. Она лишь нервно дёрнула плечом от скрипучего голоса Долорес.

— И спасибо, что не выбрали глупых мальчишек.

— В Вальпургиеву ночь будет то же самое? — Оливия изо всех сил старалась сохранить спокойствие в голосе.

— Нет. Но надо будет подобрать молодую пару и желательно девственников.

— Для чего?

— Солнцестояние для того, чтобы напитать наше Древо. У него должно быть много сил, чтобы открыть врата в мир Цернунна, если он изберёт вас, и чтобы вы не потеряли силу. В Вальпургиеву ночь вы дадите силы нам.

— Как?

— Они займутся любовью, а вы поделитесь своей силой через них.

— Как?

— Всему своё время, — загадочно ответила Долорес.

Долорес обошла трон и, кажется, собралась удалиться, но резко обернулась.

— И в следующий раз, Верховная, — она чуть склонила голову, — начинайте праздник с пожелания, чтобы Цернунн посетил наш праздник. Это малая надежда на то, что он придёт, но всё же, это традиция.

Оливия согласно кивнула.

5. Предупреждение

Оливия сидела за столом с одинокой свечкой, завтракая в полной тишине. В одной руке она держала книгу, а другой неспешно ковыряла в тарелке кашу.

— Верховная, — тоненький голосок Титубы был еле слышан, но Оливия оторвалась от чтения, поднимая голову и отыскивая глазами служанку.

Осень выдалась дождливой, поэтому в гостиной было темно. Силуэт девушки замер в дверях, дожидаясь разрешения подойди.

— Проходи, садись, — Оливия отложила книгу в сторону.

Титуба быстро уселась по правую руку от Оливии.

— Что-то случилось?

— Нет, — Титуба перебирала пальцами краешек рукава под столом. — Просто я хотела поговорить с тобой.

— Конечно. Я слушаю.

— Я, может быть не достойна этого, но я слышала, что ты собираешься отправить в Сейлем Сару Гут и Сару Осборн.

— Да, а что такое?

— Можно и мне с ними?

— Тебе? — Оливия искренне удивилась. — Для чего тебе это?

Титуба замялась.

— Титуба, — Оливия положила свою ладонь на руку девушки. — Ты можешь говорить мне всё. Что там в Сейлеме?

— Я была совсем маленькая, когда меня привезли в Плимут, и толком не помню ни корабль, ни где была, — стесняясь, начала рассказ Титуба. — А ты помнишь и Англию, и Бостон.

— Ты хочешь отправиться с ними?

— Если это возможно…

— Что за глупости? — рассмеялась Оливия. — Ты могла даже не спрашивать меня об этом. Конечно можно.

Титуба повисла на шее Верховной, тихо всхлипывая от счастья.

— А потом, — Оливия погладила её по спине, — мы отправимся в путешествие. И я везде тебя буду брать с собой. Обещаю.

— Верховная… Госпожа… — хныкала служанка.

— Оливия, — исправила её девушка.

— Какая идиллия, — Джон застал их врасплох.

Титуба быстро утёрла слёзы, а Оливия, улыбнувшись, протянула руки мужчине.

— Если позволишь, — он быстро сократил между ними расстояние и поцеловал в каждую ладонь. — Я после Вальпургиевой ночи сам лично передам, что к ним направляется твоя делегация. Хочу с матерью повидаться.

— Конечно, — улыбаясь Джону, она предложила сесть. — Ты голоден?

— Нет, я просто хотел повидать тебя, — он огладил большим пальцем скулу девушки и приблизился ещё ближе, чтобы поцеловать, но Оливия не позволила, смущённо повернув голову в бок и подставляя щёку.

— Мы не одни.

— Плевать, — прошептал он в висок девушки, скользя губами по волосам и коже.

— Я скоро вернусь, — Оливия одарила мужчину скромной улыбкой и, проскальзывая мимо него, потупилась.

Когда она удалилась в свою комнату, Джон, нахмурившись, посмотрел на служанку.

— Я надеюсь, эти душеизлияния в плечо Верховной не касались нашего маленького секрета?

Служанка молчала.

— Титуба? — жёстче, с нажимом, прохрипел он.

— Нет, Джон, — без тени страха отозвалась она. — Пока — нет.

— Вот и хорошо, — он очаровательно улыбнулся. — И пусть остаётся.

— А вот этого я тебе не могу обещать.

Джон злобно сверкнул глазами.

— Ты ей что-то взболтнула?

— Ты ужасен, Джон, — в тон ему ответила она. — Я молчала, но больше не буду.

Он подошёл и дёрнул её за локоть, угрожающе скаля зубы.

— Ты — ревнивая шлюха и не более того.

— Может быть и так, но я знаю одно точно, — ехидно процедила она. — Ты ей никогда не будешь кем-то большим, чем друг. Её сердце занято другим. И даже, если ты добьёшься её расположения, она всегда будет видеть в тебе Адама, твоего бр…

Ладонь Джона с громким хлестким звуком опустилась на щеку девушки.

— Не тебе об этом судить, рабыня, — выплюнул в бешенстве он.

Титуба, накрыв красную щёку ладонью, растерянно попятилась, но выдохнув несколько раз, всё же нашла в себе силы не унижаться и не показывать свой страх.

— Не приходи ко мне больше. И, если ты сам не расскажешь ей, то это сделаю я, — спокойно, но категорично проговорила она. — И я не рабыня.

— Ты мне угрожаешь? — в бешенстве прошипел он.

— Я тебя предупреждаю, — самодовольно закончила разговор Титуба, отворачиваясь.

После этого девушка вышла за дверь, оставляя Джона в одиночестве злиться и беситься, вымещая злость на мебели и нерасторопных рабынях.

6. Вальпургиева ночь

Оливию облачили в багряный плащ на голое тело. Волосы собрали в тугую косу.

— Это ваш праздник, Верховная, — Долорес заботливо укладывала складки плаща. — Вы будете прекрасны.

— Спасибо, Долорес, — Оливия, подавленная и без настроения, смотрела на своё отражение в зеркале. — Достаточно. Я думаю, что нам пора.

Ответом послужила скрипнувшая дверь. Джон подал руку Оливии и повёл её по тёмным коридорам поместья.

— Волнуешься?

— Да.

— Я буду рядом, — мужчина сжал её ладонь крепче, тем самым подбадривая. — Урсула уже открыла проход под Древо. Все ждут только нас.

— Я сама могла открыть.

— Я знаю, но она хочет быть тебе полезной.

Оливия ухватила под локоть Джона, когда они вышли за порог и ступили под тёмный свод леса.

— Ты уже был там?

— Нет. Никто не осмелится спуститься первее тебя. Всё же это твоё Древо.

— Хорошо.

На поляне, в тёмных одеждах ждал ковен. Каждый в руках сжимал горящий факел. Когда Джон с Оливией приблизились, мужчина принял предложенный ему факел от Эбби.

Он подождал, когда Верховная ему кивнёт. Он взял её за руку и повёл дальше в глубь леса. За ними постепенно растягивался огненный змей. Под ногами не трещали ветки и не ломались кусты. Словно призрачная цепь ведьм и колдунов парила над землёй. Только редкий треск факелов нарушал идеальную тишину. Дойдя до Древа, Оливия выпустила ладонь Джона и, взяв факел, подошла к расступившемуся провалу у корней. Тёмный тоннель уходил в беспроглядную тьму земляными ступенями. Оливия обернулась, посмотрев на Джона. Нерешительность на её лице скрыла ночь.

— Иди. Ничего не бойся, — зашептала Долорес, поравнявшись с Джоном.

Верховная оглядела всех присутствующих, которые в безмолвном предвкушении ожидали, когда девушка сделает первый шаг в неизвестность. Она вытянула руку с факелом перед собой и отвернувшись, начала спуск по бесконечным ступенькам. Факелы один за другим последовали за ведьмой, исчезая в провале под землёй. Урсула шла последней. Спустившись на несколько ступенек, она воткнула факел в стену и скрючила пальцы, призывая свою силу. Земля всколыхнулась волной и накатилась на провал, погребая под собой всех вошедших. Женщина огляделась, оценивая свою работу и убеждаясь, что земляной потолок не рухнет. Выхватила факел и побежала вниз по ступенькам, в тусклых отблесках огня, догоняя остальных.

Проход вывел ведьм в огромный зал. Его масштабы было оценить трудно, так как свет огня не мог добраться до стен. По гулким, с эхом, шагам можно было предположить, что это не комната, а огромная площадь. Оливия задрала голову, поднимая факел. Потолок был очень высок, но свет от факела выхватывал на нём спутанную сеть корней. Между древесной паутиной, словно связанные канатами, виднелись пожелтевшие от времени кости и останки животных и людей.

Джон предложил свой локоть, отвлекая девушку от потолка. Она охотно его приняла и прошлась вглубь зала. Ведьмы шли за ними, озираясь и тихо перешёптываясь.

— Куда нам? — тихо спросила Олив.

— Не знаю. Я тут первый раз, но кажется туда, — он махнул рукой вперёд, где виднелись очертания огромного булыжника.

— Сильна, — крякнула довольно старуха, оглядываясь.

Подойдя ближе, девушка осмотрела иссечённый ветрами и временем камень. Он был чуть ниже талии. Ничем не примечательный валун коричневого цвета, с гладкими округлыми боками, напоминал огромное приплюснутое яйцо. Оливия положила на него ладонь, оглаживая и прохаживаясь вокруг, пока ведьмы подходили ближе. В голове возникали образы, которые пальцы сами вырисовывали на твёрдой поверхности камня. Каждый раз, когда она отрывала палец от тёплой поверхности, символ тускло вспыхивал завитком или линией. Ведьмы подошли ближе и, повторяя движения Верховной, наносили символ за символом. Причудливые ракушки и змееобразные линии вспыхивали всё сильнее и сильнее, пока весь камень не покрылся пульсирующей сетью рисунка.

Оливия повернулась к Долорес и одним взглядом отдала немое распоряжение. Откуда-то из-за спин ведьм вытолкнули парня и девушку со связанными руками за спиной и мешками на головах. Джон сорвал с них мешки. Бледная девушка в поношенном платье, тряслась, как лист на ветру. Слёзы размыли грязь по лицу, а её жалобный скулёж сдерживал заткнутый кляп. Парень старался храбриться, но его прищур, из-за ярких факелов, всё больше становился затравленным и испуганным. Его поджилки затряслись, когда ведьмы начали читать молитву на разных языках, сливая свой шёпот в монотонный шипящий гул, из которого можно было разобрать лишь обрывки фраз.

— О, Богиня Тьмы и Света, молодости, зрелости и смерти, Триединой Луны…

— Рогатый Бог воды и огня, тот, кто един в четырёх лицах. Ты тот, кто сокрыт и внутри неё, и в нас.

— Пусть ветер раздует пламя этого костра любви…

Оливия подошла к девушке и потянула кляп.

— Отпустите, пожалуйста. Я никому не скажу, — через рыдания пропищала она.

Оливия приложила палец к её губам, не отрывая глаз от её.

— Т-ш-ш-ш, — она погладила её по волосам, — Как тебя зовут?

— Элли, — заикаясь, выдохнула она.

— Элли, — Оливия улыбнулась. — Ничего не бойся, Элли.

Она поцеловала в лоб девушку нашёптывая:

— Gratias tibi ago pro sacrificio tuo (Благодарю за жертву).

Девушка затихла. Рыдания прекратились, а на лице застыла маска равнодушия и непонимания. Она отрешённо смотрела на Верховную и смиренно ждала указаний. Олив кивнула Джону, стоящего за её спиной. Одним взмахом кинжала мужчина разрезал путы и, сжав кулаками ветхую ткань на спине девушки, рванул её в стороны. Платье с треском расползлось и упало с плеч. Джон содрал остатки ткани и отбросил их в сторону. Верховная протянула к Элли ладонь, и та послушно приняла её. Ведьма подвела девушку к камню и медленно развернула её спиной к нему. Элли опустилась на пульсирующий камень и, улёгшись, поджала колени и широко развела их.

— Пусть её тело и душа, кровь и плоть принадлежит нам…

Парень, шокированный увиденным, занервничал и попытался вырваться, но Оливия уже шла к нему. Джон, не дожидаясь приказа, кинжалом разрезал и срывал на нём одежду. Когда Оливия приложила палец к трясущимся губам юноши, из его глаз брызнули слёзы. Она притянула его к себе и поцеловала в лоб.

— Gratias tibi ago pro sacrificio tuo (Благодарю за жертву).

Верёвки упали с запястья, освобождая пленника. Но кажется, он уже не собирался бежать и вырываться. Парень прошёл мимо Оливии, которая осталась неподвижно стоять, смотря на Джона. Мужчина кинул мимолётный взгляд за спину Верховной, где парень залез на камень и

лёг между ног мирно лежащей девушки. На лице Джона заиграла вожделенная улыбка, которой он одарил Верховную.

— Я помогу, — прошептал он, когда ведьмы отошли от них к камню, обступая его со всех сторон.

Ведьмы, ещё громче начали напевать. Джон, воспользовался моментом и украл у Верховной поцелуй. Недолгий, но чувственный. Пылая страстью, он зарылся в её волосы, прижимая к себе. Оливия растерялась на мгновение, но этого мужчине хватило, чтобы отстраниться самому.

— Настанет день, и на этом камне возляжем мы, — прошептал он, протягивая серп.

Оливия не стала возражать столь смелому заявлению мужчины и молча приняла поеденный ржавчиной инструмент. В другой руке Джон сжимал кинжал.

Верховная приблизилась к камню, где под монотонное песнопение, парень с усердием двигался на неподвижно лежащей Элли. Джон вложил в руки парня кинжал, направляя кончик лезвия в сердце лежащей под ним девушки. Парень, не прекращая движений, упирался своей грудью в навершие кинжала, от чего лезвие чуть врезалось в кожу, царапая её. Девушка оставалась неподвижно лежать, словно не чувствуя боли, равнодушно наблюдая за маячащим перед глазами лицом. Оливия приложила серп к горлу парня и поднесла руку девушки к рукоятке, принуждая обхватить её. Верховная отошла к Джону, расставляя руки в стороны. Мужчина аккуратно приобнял её за талию, стоя за спиной.

— Da mihi vires! Accipe sacrificium! (Дай силы! Прими жертву!)

Как только Верховная произнесла заклинание, девушка вяло взмахнула рукой, вскрывая горло парню. Серп застрял в трахее, поворачивая набок голову с выпученными в удивлении глазами. Она подёргала серп, отчего голова парня жутко помотала из стороны в сторону, разбрызгивая кровь, льющуюся из горла и рта. Ещё одно дёрганное движение и глаза парня потускнели, делая взгляд стеклянным. По его телу прошла волна предсмертной агонии и он обмяк, падая на рукоять кинжала, который с лёгкостью вошёл в грудную клетку девушки. Словно разогретый нож в масло. С потолка, сорвались корни Древа. Они устремились вниз, въедаясь в умирающие тела и пробивая булыжник в нескольких местах. Корни скручивали и безжалостно крушили кости жертв, вмуровывая их в образовавшиеся щели в камне. Тонкие кровавые корешки, словно волоски, потянулись в сторону Верховной. Они вкручивались и впивались в её руки, забираясь под кожу и заполняя собой вены. Оливия начала падать, но Джон крепко и надёжно сжимал её талию, давая ей расслаблено облокотится на свою грудь. Вены под кожей Верховной засветились алым. Кровь из камня словно высасывалась корнями и вливалась в неё жаром и свечением. Было удушающе горячо и появилась слабость в ногах, словно от сильного переутомления, но боли не было. Кто-то невидимый вливал в неё силу, как воду в пустую бочку, от чего она становилась тяжелее, лишаясь возможности двигаться.

Когда корни Древа медленно поджались и втянулись в потолок, Джон подхватил Оливию на руки. Камень с несколькими вмятинами и нечёткими рисунками был чист. Даже невозможно представить, что минуту назад здесь было растерзано два тела. Мужчина опустил Верховную на алтарь и символы вспыхнули с её венами. Чем меньше становилось свечение в венах ведьмы, тем ярче зажигались завитки на камне, пульсируя жаром и силой. Зал постепенно заполнялся орнаментами и рисунками с тусклым светом, исходившим от подножья валуна. Земляные стены приняли очертания, являя ведьмам, до этого скрытые темнотой арки и выступы, на которых можно было сидеть, как на скамейках. Из земли вырос, осыпаясь крошками и мелкими камнями, большой глиняный трон со множеством остроконечных шпилей в изголовье.

— Да начнётся праздник, — выдохнула Оливия, приходя в себя. Она улыбнулась и приподнялась на локтях, скручивая пальцы и подсвечивая ещё ярче помещение.

— Ты как? — помогая подняться, Джон с волнением осматривал её руки, на которых не было и следа от корней.

— Хорошо.

— Тогда, пора начинать, — подмигнула ей Долорес и махнула рукой.

Барабаны ударили разом. Так громко, что с корней Древа слетела вековая пыль. Джон подвёл Верховную к трону и встал рядом, демонстративно сложив руки на груди.

Оливия чуть расставила руки, и мужчина сразу же помог спустить с плеч плащ, обнажая её. Он на мгновение задержался на её локтях и чуть склонившись, шепнул в самое ухо:

— Вы прекрасны, Верховная.

Оливия хмыкнула и иронично покачала головой.

— Льстец, — усмехаясь, шепнула она.

— Ни в коем разе, — мурлыкнул он.

Ведьмы, бесконечной вереницей, подходили к камню, прикасаясь к горящим символам рукой. Свечение цеплялось за пальцы, и они бережно подносили их ко лбу, животу и губам. Символ на алтаре бледнел, а радостная ведьма уже спешила к трону. Каждая собственноручно надевала на Верховную своё подношение. Из-за гроздей золотых цепей и жемчужных нитей не было видно груди. Щиколотки и запястья оплетало множество браслетов. На некоторых пальцах было больше двух колец, а они продолжали и продолжали идти. После подарков началось веселье. Колдуны откупоривали припасённые бочонки с вином. Ведьмы раскладывали фрукты, другие дурачились и забывались в танце. Со всех сторон слышался смех и восхваления Верховной. Хмель ударял в головы моментально. Смех становился громче, а танцы откровеннее. Катерина и Титуба помогли собрать все дары Оливии в мешок. Она снова накинула на плечи плащ и, удобно разместившись на троне, с улыбкой наблюдала за весельем.

— Вы позволите? — тихо над ухом поинтересовался Джон.

Оливия не успела ответить. Его пальцы заскользили по шее, откидывая волосы на плечо.

— Возможно, это для вас не так важно, но мне кажется, что вам понравится, — он накинул серебряную нить на шею и закопошился, принося щекотку и приятные ощущения от прикосновений, пока застёгивал её.

Девушка нащупала кулон, и не успев глянуть на него, уже изумилась и, растрогавшись, прикрыла рот ладошкой.

— Я нашёл его в Лондоне. В ломбарде.

— Джон, — пролепетала она, рассматривая серебряный месяц с янтарём. — Невероятно. Ты нашёл его.

— Я верил, что рано, или поздно найду не только его, но и тебя, — он коротко поцеловал девушку в губы и чуть отстранившись, лукаво улыбнулся. — Потанцуем?

Оливия вместо ответа улыбнулась и протянула руки.

7. Мама

Утро в поместье Пемброк было тёмным и серым. Зимнее Солнце тускло освещало тёмную столовую, в которой не было зажжено ни одной свечи. Огонь в камине хоть и грел комнату, но света много не давал. Отблески языков пламени изредка касались мрачного лица Джона, сидящего перед тарелкой с беконом и яичницей, к которой он так и не притронулся. Завтрак Оливии, и не приехавшего с ним Вильяма, так же, как и его, безнадёжно остывал.

— А где Вильям? — спустившись в столовую, Оливия задорно шуршала юбками, усаживаясь за стол.

— Его срочно вызвали в Совет.

— Жаль, — без тени печали выпалила она, укладывая салфетку на колени. — Я думала, что сегодня мы пообедаем втроём. Ну, может завтра удастся?

— Завтра я уезжаю в Сейлем.

— Прости, я забыла.

— Ты так редко приглашаешь меня к себе, — задумчиво выдохнул он.

Оливия внимательно посмотрела на мужчину. Она даже не обратила внимание на то, как он бледен и печален.

— У тебя что-то случилось? Ты плохо выглядишь, — немного взволновано поинтересовалась она.

— Случилось.

— Что?

— Ты.

Короткий ответ мужчины напряг девушку. Она уставилась в тарелку, словно пытаясь проглотить застрявший неприятный ком, но ей никак это не удавалось.

— Джон… — Она тихо выдохнула его имя, словно уже устав от этого разговора. — Ты же знаешь. Сколько можно об этом говорить?

— Посмотри на меня, — с грустью попросил он.

Девушка повернулась в его сторону, но на её лице было лишь сожаление. Мужчина плеснул в свой бокал немного вина.

— Ты никогда не рассказывала, — откидываясь на спинку стула, он заговорил ровным и обыденным тоном. — Твой плантатор и несостоявшийся жених, которого так забавно грохнула Верховная Клавдия, были единственными мужчинами? Или, может быть, в этот список попал Вильям? Может ещё кто?

Перемены в его настроении были привычны. Он всегда вспыхивал и гас, словно спичка. Но сейчас Оливии не понравились эти перемены. Она понимала, что в мужчине говорит обида, но это не должно стать поводом для оскорблений.

— Чего ты добиваешься, Джон? — процедила сквозь зубы. — Ты хочешь меня унизить?

— Ни в коем случае, — наигранно всплеснув руками, Джон расплескал на пол вино в зажатой руке. — Ты же ведьма. Мы уже давно не дети. Я думаю, что нет ничего такого, что в нашей жизни появляются и исчезают интересы к некоторым людям.

— Мне не интересен этот разговор.

Джон, не обращая внимания, продолжил.

— Я понимаю, Пемброк. Всё же папаша проигрался, но Оливия… — он с укоризненным смешком посмотрел на девушку растягивая момент. — Сэр Эндикотт?

Оливия, гневно сдвинув брови и стиснув зубы, была готова сорваться с места и накинутся с кулаками на мужчину. А он между тем, продолжал разговор, делая вид, что не замечает ярости в глазах Верховной.

— Это же был твой личный выбор? — он воткнул вилку в бекон и принялся неспешно отрезать от него кусок. — Я думал, что у тебя более изощренный вкус на мужчин. Взять того же Адама.

— Не смей говорить об Адаме, — проскрежетала она сквозь сжатые зубы.

— Почему? — искренне не понимая, мужчина отправил небольшой кусок бекона в рот. — Мне казалось, что он был близок тебе. Особенно перед твоим отъездом. Никогда не понимал этого, но всё же интересно. Он сам тебя затащил в наш сарай, или тебе пришлось его туда загнать, как дикого зверёныша?

Проживать он не успел. Девушка с воплем кинулась на него, пытаясь расцарапать лицо. Джон перехватил её за ладони и, выплюнув кусок не разжёванного мяса, встал со стула, вздёргивая за собой и Оливию.

— Почему ты не хочешь жить счастливо? — злобно шептал он, вытягивая её руки вдоль тела, в непрекращающемся сопротивлении, и заключая в объятия. — Почему ты цепляешься за обрывки памяти о том, кого нет? Он даже не пытался тебя найти. Он ушёл на войну за деньгами, а я перевернул весь мир, чтобы найти тебя.

— Пусти меня! — продолжала брыкаться она.

Вместо того, чтобы отпустить девушку, он одним рывком усадил её на стол и впился в губы коротким поцелуем. Оливия зарычала, но он снова поцеловал её. Потом ещё и ещё, пока сопротивление совсем не сошло на нет.

— Джон, — выдохнула она в губы мужчины, в последней попытке остановить его, но он снова прильнул к её губам.

Оливия сдалась, приоткрывая губы и впуская язык мужчины в себя. Её руки обвили его плечи. Не прерывая поцелуя, мужчина издал утробный рык и, одной рукой прижимая к себе Олив, второй задирал её бесконечные юбки. Добравшись до заветной цели, он запустил руку в панталоны, одновременно блаженно громко выдыхая с ней.

— Нет, — даже не слово, а жалобный стон.

— Кого ты пытаешься обмануть, ведьма? — хрипел он в губы, продолжая двигать рукой под юбками и лаская самые чувствительные точки. — Твоё тело говорит — да.

— К вам сэр Гэстби, — стальной голос Титубы, мирно стоявшей в проёме двери, моментально охладил пыл завтракавших.

Оливия, спрыгнув со стола, отошла к окну, расправляя юбки. Джон, тяжело дыша, одёрнул пиджак и пригладил свои кудри с презрением окидывая невозмутимую Титубу. Проскочивший мимо неё Вильям, даже не обратил внимания на растрёпанный вид Верховной и друга.

— Я опоздал, каюсь, — сбивчиво затараторил он, целуя руку Оливии и хлопнув по плечу Джона. — Спешил, как мог. Надеюсь, ещё не всё остыло?

Мужчина уселся за стол, быстро запихивая холодную яичницу в рот.

— Я голоден, как стая волков, — бубнил он, разжёвывая остывший белок. — А вы чего не садитесь?

Он вопросительно перевёл взгляд с одного на другого, и снова накинулся на яичницу.

Джон отодвинул стул, приглашая сесть Оливию.

— Я не голодна. Продолжайте без меня, — выдавила она слова, направляясь к выходу из столовой. Быстро стукая каблуками по деревянному полу, ведьма старалась не смотреть никому из присутствующих в глаза. Было неимоверно стыдно. Стыдно перед всеми. Она поддалась слабости и это увидели.

— Что с ней? — шепнул Вильям.

— Не смогла получить удовольствие от завтрака, — двусмысленно пошутил Джон, при этом надменно смотря на служанку.

Титуба, в презрении скривив губы, приподняла подбородок, выдерживая на себе взгляд мужчины. Тогда Джон засунул себе в рот два пальца, неспешно облизнув и втягивая губы

словно смакуя и пробуя на вкус Верховную. Когда Вильям оторвался от бекона и приподнял голову, то Титубы уже не было в столовой, а довольный Джон присоединился к завтраку.

— У тебя сегодня хороший день? — дружелюбно улыбаясь, Вильям отломал большой кусок хлеба.

— Нет, Вильям. Он у меня сегодня потрясающий!

***

— Джон, — с восторгом выдохнула Элеонора, зайдя в комнату дешёвой гостиницы. — Мальчик мой!

Она обвила руками сына, который был выше её почти на голову и зарывшись руками в волосы, прикрыла глаза.

— Всё хорошо, мам, — успокаивал её он, поглаживая по плечам.

— Я так волновалась, — она оторвалась и притянула его щёки для поцелуев. — Где ты пропадал? Почему не приходишь больше во снах?

— Я не могу, — уворачиваясь от материнской ласки, Джон силой усадил её на стул. — Оливию преследует Рогатый Бог. Он, как и я, не может блуждать по снам на большом расстоянии, поэтому каждое полнолуние я охраняю сон Верховной.

— Верховной, — одними губами проговорила ведьма, улыбаясь своим воспоминаниям. — Кто же мог подумать, что та девочка станет главой целого ковена, а ведь я её чуть не убила, — весело усмехнувшись, Элеонора махнула зажатым в кулаке носовым платком, отгоняя от себя воспоминания.

— Она уже давно не девочка, мам, — укоризненно напомнил Джон.

— Конечно, — летая где-то в воспоминаниях, Элеонора покивала головой. — Я помню, как она вилась за тобой с Адамом.

— Не начинай, — с раздражением перебил её сын.

— Она всё ещё тебе нравится? — удивлённо спросила она.

— Нет, — слишком резко отчеканил он. — Она нравилась Адаму, а я люблю её.

— Любишь? — удивилась Элеонора.

— Люблю.

— А она?

Джон подошёл к окну и острым взглядом окинул замёрзшую дорогу, пролегающую через центр Сейлема. Снег ещё не лёг на землю, но кромки разъезженной колеи колесами телег уже подёрнулся белым заморозком.

— Я хочу жениться на ней.

— И? Ты хочешь пригласить меня на вашу свадьбу? Или боишься, что Рогатый умыкнёт у тебя её? — Элеонора подбадривающе хихикнула. — За это можешь не переживать. Рогатый никого не назвал своей королевой, и я уже сомневаюсь, что когда-то назовёт. Так что у тебя конкурентов нет.

— Твои слова да Рогатому в уши, — процедил себе под нос Джон, продолжая пялиться в окно, а в слух произнёс: — Я хотел поговорить не об этом.

Он сел за стол, сложив руки в замок.

— Она не отдаст Долорес.

— Это не обсуждается, — сведя брови к переносице, женщина стукнула открытой ладонью по затёртой столешнице. — Клавдия уничтожит любую её ведьму, которая ступит на территорию Сейлема, если не получит голову Долорес. Даже ты под угрозой, если наша встреча выйдет за пределы этой комнаты.

— Оливия видела воспоминания старухи и в них нет преступления, о которых говорит Клавдия.

— Клавдии плевать.

— А Оливии — нет, — насупившись, Джон пристально посмотрел на мать. — Если она добровольно отдаст кого-то из ведем на растерзание Клавдии, то все ведьмы отвернутся от неё. Сама подумай, что это за Верховная такая, которая отдаёт своих невиновных ведьм на растерзание другому ковену?

— Я передам ей твои слова, но вряд ли это что-то изменит, — она равнодушно пожала плечами. — А что со мной? Ты говорил с ней обо мне? Она примет меня обратно?

— Я не могу пока об этом поговорить, поэтому я здесь.

Элеонора вопросительно посмотрела на сына в ожидании ответа, но он лишь погладил лежащую на столе ладонь женщины.

— Я хочу попросить тебя кое о чём, — осторожно начал Джон, бережно сжимая в ладонях хрупкие пальцы матери. — У меня проблемы. И только ты можешь мне помочь.

— Проблемы? — насторожилась Элеонора.

— Скоро прибудут три ведьмы из Плимута, — аккуратно подбирая слова, Джон косился на пол, не желая смотреть в глаза матери. — Среди них будет одна ведьма… Титуба.

— Рабыня Элеоноры? — хмурясь, почуяв неладное, женщина выдернула пальцы. — Что она сделала?

— Она сумасшедшая и отчаявшаяся сука, — перехватывая обратно похолодевшие пальцы матери, Джон подался чуть вперёд, процеживая слова сквозь зубы. — Она втёрлась в доверие Оливии и шантажирует меня тем, что я имел неосторожность переспать с ней, после казни Верховной.

— И что?

— А то, что я люблю её и, если она узнает о моей связи с ней, то никогда меня не простит. Она вышвырнет меня из ковена. Я буду вынужден вернуться в Англию и больше никогда не увижу тебя и навсегда потеряю единственную женщину, которую любил и люблю.

Элеонора, растерявшись забегала глазами по умоляющему и несчастному лицу сына.

— Мама…

— Что? Но что ты хочешь от меня? Я же не могу взять и убить её, — сдавленным голосом выдавила она.

— Ты же обладаешь даром иллюзии. Придумай что-нибудь. Сделай так, чтобы их арестовали местные власти. Пусть их обвинят в чём-то ужасном и казнят. Даже Клавдии об этом знать не обязательно. Пусть все думают, что это сделали пуритане, а не ведьмы.

— Но ты же понимаешь, что они после казни вернутся?

— Это уже будет не важно, — заверял её Джон. — Оливия любит меня, но пока Титуба рядом с ней… Мне нужен этот шанс.

Элеонора встала и зашагала по комнате, меряя её шагами от окна до двери и заламывая пальцы до хруста.

— Джон, Джон, — расстроено причитала она, — Когда же ты начнёшь думать головой, а не тем, что в штанах?

— Я был слишком расстроен после казни Оливии и ни о чём думать не мог, — пристыженно опустив голову, он вытер накатившуюся слезу. — Она сама пришла ко мне ночью. Это был один раз. Я признаю, что оступился…

— Ни слову не верю, — прошипела Элеонора.

— Ладно! — вспылил он, вскакивая со стула и размахивая руками. — Тебя никогда нельзя было обмануть.

Женщина стала посреди комнаты, заложив руки на груди и грозно поджав губы.

— О боже! — взмолился Джон, опускаясь на стул. — Она двадцать пять лет провела в земле. Я похож на евнуха?

— Джон, — грозно отозвалась ведьма.

— Она не даёт мне прохода. Она изводит меня, — он подошёл к матери и сжал её плечи, умоляюще заглядывая в глаза. — Я и пальцем её не коснулся, когда проснулась Оливия. Пара лет в земле остудит её пыл. Никто не пострадает. А у меня появится шанс наладить отношения с Оливией.

Элеонора тяжело вздохнула, недоверчиво смотря на своего сына. Погладила его по вьющимся волосам, перебирая каштановые локоны.

— Тебе уже пора подстричься.

— Мам, — укоризненно усмехаясь, Джон сощурил хитрые янтарные глаза.

— Хорошо, — нехотя согласилась ведьма и ту же выставила угрожающе палец. — Но, если ты обидишь Оливию!

— Я берегу её, как самое драгоценное в моей жизни, — он, усмехаясь, обхватил двумя руками выставленный палец и поцеловал его в самый кончик. — После тебя, конечно же.

— Конечно же, — ехидно передразнила его Элеонора и сокрушённо покачала головой, когда сын, быстро чмокнув её в лоб, выбежал за дверь.

Эпилог 1 части

Сейлем, январь 1692г.

Девятилетняя Элизабет Пэррис перед сном баловалась со своей двоюродной сестрой Эбигейл Уильямс. Эбигейл хоть и была старше своей сестрёнки на два года, но на вид ей было не больше восьми. Девочки, сидя на полу, перед зажжённой свечкой, в тайне от родителей рассматривали колоду игральных карт. Странный подарок от незнакомки по имени Сара Осборн вызывала у них неподдельный интерес. Странная женщина попросила их о помощи, поднести корзину с продовольствием на соседнюю улицу. Разговорившись с девочками, она отблагодарила маленьких помощниц запретным подарком. Настойчиво уговаривая девочек принять его, женщина не раз упомянула своё имя. Малышки заинтересованно разглядывали таинственные яркие картинки. Перебирая в руках карты, Эбигейл, задумавшись, начала их раскладывать на полу.

— Это волшебные карты, — тихо зашептала она, убирая с глаз белокурые завитушки. — Отец и его друзья играют другими, а тут какие-то странные женщины и мужчины с чашами и мечами.

Дойдя до страшной карты с дьяволом, Эбигейл ахнула, а Элизабет ударила её по руке, от чего карта отлетела в сторону и залетела под кровать.

— Мы прокляты, — запищала она. — Это плохие карты.

— Только не говори отцу, — Эбигейл нагнулась, чтобы достать карту и, приподняв покрывало, нависающее над тёмным провалом под кроватью, завизжала, отшатываясь.

К её визгу присоединилась Элизабет, когда из-под кровати показалась темнокожая рука с почерневшими когтями. Потом вторая. Ухватилась за ножку кровати, подтягивая хозяйку рук на свет свечи. Чернокожая женщина ядовито прошипела, протягивая когтистые руки к детям.

— Титуба научит вас слушаться родителей.

Несмотря на непрекращающийся визг, никто не спешил на помощь девочкам, а дверь не поддавалась. Женщина на четвереньках, по-собачьи, подпрыгнула и помчала в сторону сестёр полубоком, брызжа слюной, и остервенело ворочая выпученными глазами из стороны в сторону. Первой попалась малышка Элизабет. Ведьма потянула её за ногу к кровати. Она ловко закинула её на постель и запрыгнула сверху, прижимая коленями тонкие ручки к одеялу. Чудовище гортанно расхохоталось, указывая пальцем на забившуюся в угол и закрывшей лицо руками Эбигейл.

— Ты будешь следующая!

Элизабет завизжала и забрыкалась, но силы были неравны. Ведьма из зажатого кулака доставала булавку за булавкой и методично втыкала их в детские ручки и ножки, напевая жуткую колыбельную.

— Ночь придёт, приду и я.

— Буду мучить до утра.

— Оторву тебе все ручки

— Ноги выдерну в трясучке.

— Пусть их ведьма заберёт, а взамен паучьи шьёт.

— Восемь лапок, восемь глаз

— Ваш отец убьёт всех вас.

Эбигейл, разрыдавшись, кинулась к окну, привлекая внимание ведьмы. Девочка изо всех сил дёргала за оконную ручку, но рама словно приросла к оконному проёму. Увидев за своей спиной чёрный силуэт с ножом, девочка закрылась руками, оборачиваясь и шлёпаясь на пол. Визг её наполнился не только страхом, но и болью от рассечённой кожи на запястьях. Когда она открыла глаза, то, не веря, уставилась на свои окровавленные руки, с которых потоками

стекала кровь. Ведьма исчезла, а маленькая Элизабет лежала на кровати, протягивая руки в иглах к сестре, с мольбой постанывая о помощи.

***

Сэмюэль Пэррис, местный священник, бежал, не разбирая дороги и не отвечая на приветствия попадавшихся на глаза горожан. Испуг и отчаянье на его лице озадачивали прохожих, но никто не смел остановить мужчину. Пробежав два квартала, он с отдышкой ворвался в кабинет доктора Уильяма Григгса.

— Доктор! Доктор! — задыхался мужчина, уже довольно преклонных лет.

— Дорогой сэр Пэррис, — невнятно пробормотал пожилой мужчина с поднесённой кружкой чая ко рту и взволнованно отставляя её в сторону, так и не отпив. — Что с вами, уважаемый? Вы бледны.

— Моя дочь и племянница, — держась за левый бок, мужчина без дозволения шмякнулся на стул перед рабочим столом доктора и вытянул ноги.

— Погодите, почтеннейший. Не волнуйтесь и всё спокойно объясните, — Mr Григгс плеснул из графина воды в стакан и, капнув пару капель из маленького флакона, протянул мужчине. — Что у вас стряслось?

— Мои девочки больны. Помогите.

***

Доктор Григгс задумчиво стоял посреди комнаты и внимательно наблюдал за тем, как Элизабет и Эбигейл, забившись под высокий комод, издавали странные звуки, похожие на клёкот какой-то хищной птицы.

— Давно они так?

— С неделю где-то, — расстроено ответил пастор.

— Почему раньше не обратились за помощью?

— Я думал, что это всё детские причуды. Они говорили, что ночью к ним приходят разные ведьмы и колют их булавками и ножом.

— Вы осматривали их на наличие ран? — подходя ближе к комоду, доктор присел на корточки, заглядывая под него.

— Да, но на их теле нет и следа.

— А сейчас что с ними?

Пастор Пэррис шмыгнул носом и, достав платок из кармана, промокнул глаза.

— Я пытался читать проповедь, но они закрывают уши и кричат. Постоянно кричат и издают вот эти ужасные звуки.

Несмотря на свой солидный возраст, доктор резко встал и, прохаживаясь по комнате, молча иногда скашивал глаза в сторону комода. Пастор следил за мужчиной, но боялся нарушить тишину и отвлечь доктора от его размышлений.

— Выпускник Гарвардского колледжа, — начал размеренно говорить мужчина, — священник Бостона, Коттон Мэзер описывал подобный случай. Их местная прачка оказывала такое же влияние на детей своего работодателя.

— И что случилось после? — затаив дыхание, пастор забыл, как дышать.

— Это оказалась ведьма!

Пастор в ужасе прижал кулак ко рту с зажатым в нём носовым платком.

— Как только её повесили, дети поправились, — продолжил доктор.

— Что же мне делать?

— Я напишу ему письмо с приглашением в Сейлем. Он более опытен в данном вопросе. Я думаю, что с его помощью мы быстрее найдём виновных и спасём вашу дочь и племянницу.

— Спасибо, доктор, — мужчина схватился двумя руками за ладонь сэра Григгса, сотрясая её.

— Пока не за что, уважаемый, — болезненно сморщившись, доктор вырвал свою руку.

— Простите, доктор.

— Я понимаю, — мужчина двинулся к двери, но его остановил новый вопрос пастора.

— А этот Коттон? Он точно поможет?

— Поверьте, — доктор хищно улыбнулся. — Если Коттон Мэзер возьмётся за дело, то доведёт его до конца.

КОНЕЦ 1 части 2 книги.

Книга 2. Часть 2. Сейлем.

Пролог

Март 1962г. Плимут, поместье Пемброк.

Весенняя ночь была душной и слишком тёплой для этого времени года. Пустой двор освещали факелы, потрескивающие под стрёкот сверчков. Джон, замерев у окна второго этажа, тревожно всматривался в темноту. Горло сдавливали тяжёлые тиски, вынуждая мужчину периодически судорожно делать глубокий вздох.

Оливия с другими ведьмами собрались в старом доме Гвиневры. После того, как первого марта арестовали Титубу, Сару Гуд и Сару Осборн, они собирались там почти каждый день. Старый дом ведьмы на отшибе не привлекал лишнего внимания и позволял устраивать многолюдные встречи. Джон заботливо предложил свои услуги по помощи в присмотре за поместьем и плантациями. Он надеялся, что это позволит ещё больше сблизится с Оливией, но она могла гостить у ведьмы днями, не покидая стен старого дома.

Джон украл ещё несколько раз у неё поцелуй, но девушка словно закрылась. Она больше не зажигала в их душах искры и явно пыталась забыть случившееся в столовой, но он не позволял. Настойчиво ухаживая и стараясь быть всегда, как можно ближе, Джон продолжал добиваться её расположения. Сейчас же, стоя у окна, он мыслями возвращался к ней, но надвигающаяся угроза, откуда-то извне витающая в воздухе, душила его и беспокоила. Чувство тревоги зарождалось постепенно, но неумолимо преследовало мужчину, идя прямо по пятам. Когда в ворота раздался стук, к ним метнулась тень. Джон задул одинокую свечу, всматриваясь в освещённый двор. Раб отпер ворота и, приоткрывая створку, резво отбежал в сторону, сгибаясь в поклоне.

«Неужели вернулась?» пролетела радостная мысль и тут же сменилась тревогой, когда во двор заехало четыре всадника. Тёмные силуэты мужчин, завёрнутые в плащи, на тёмных лошадях, гарцевали вокруг раба, что-то спрашивая. Из-за расстояния не было слышно, о чём шёл разговор, но Джон напрягся, скрываясь за шторой. Всадники спешились. Один из них, самый здоровый, направился к дверям поместья за бегущим впереди рабом. Двое мужчин что-то обсуждали, обтирая круп лошадей. Четвёртый долговязый силуэт, сложив руки перед собой, замер в отдалении, словно статуя. Джон не видел его лица, но был уверен, что он смотрит прямо на него, хоть и понимал, что его видеть не могли. Рука инстинктивно коснулась шеи, потирая её.

— Господин, — показавшийся в дверях раб, замер в полной темноте.

— Говори, — севшим горлом проскрежетал Джон.

Раб быстро перевёл взгляд на окно, от которого шёл голос, но ничего не разглядев, продолжил.

— Там прибыло четверо всадников. Требуют хозяина, или хозяйку дома.

— Что ты им сказал?

— Сказал, что хозяйка гостит у подруги, а господин отдыхает.

— Хорошо.

Джон, кинув мимолётный взгляд на застывший силуэт за окно, быстро одёрнул штору и чуть ли не в припрыжку сбежал по лестнице.

Внизу стоял высокий и широкоплечий мужчина. Сняв капюшон с рыжей, короткостриженой, на солдатский манер головы, он учтиво склонил голову.

— Прошу простить меня, за столь поздний визит, господин, но мои дела не терпят отлагательств.

— Могу узнать, кто вы? — сохраняя спокойствие, Джон отметил сильный акцент и «р» с грассированием, которая выдавала в собеседнике француза.

— Моё имя вам ничего не скажет…

— И всё же.

— Меня зовут Лорен.

— Лорен э-э-э?

— Просто Лорен, — мужчина, прикрыв глаза, улыбнулся самой очаровательной улыбкой, на которую был способен.

— Что привело вас в мой дом, просто Лорен? — Джон пытался сохранить дружелюбный тон, но, давая понять собеседнику, что разговор не выйдет слишком простым.

— В городе нам подсказали, что поместье принадлежит некой миссис Оливии Вудроу. Я могу увидеть её?

Джон задумался на мгновение.

— Боюсь, что нет. Моя жена гостит у своей старой подруги. Если вы хотите ей что-то передать, то можете это сделать через меня.

— Жена? — приподняв одну бровь, рыжеволосый удивлённо ждал ответа, но его не последовало. — В городе нам сказали, что миссис Вудроу живёт одна.

— До города очень медленно доходят слухи, но вы правы, мы ещё официально не заключили брак, — не стал врать Джон, видя, что его собеседник тонко чувствует ложь.

— Простите за бестактность, — мужчина по-кошачьи наклонил голову с расплывшейся улыбкой. — Когда именно ваша «жена» вернётся от подруги?

— Ещё дней десять, может чуть дольше погостит. А в чём собственно дело? — Джон принял оборонительную позу, расставив ноги и сложив руки на груди. — Интерес постороннего мужчины к почти замужней женщине крайне неприличен.

— Простите, — он снова улыбнулся. — Мой друг разыскивает свою родственницу в Новой Англии. Наш интерес проявляется абсолютно ко всем женщинам, проживающих на этой территории, исключительно для розыска.

— Она что-то натворила, или сбежала из семьи?

— Нет. Нет, — приподняв брови, Лорен чуть отрицательно мотнул головой. — Скажем так. Она потерялась.

— Боюсь вас огорчить, но моя жена не терялась. Её род давно живёт в Плимуте и известен всем горожанам. Боюсь, вы ошиблись, — давая понять, что разговор окончен, Джон направился к двери, чтобы проводить гостя.

— Может быть, может быть, — нараспев повторил мужчина, накидывая капюшон на голову и натягивая на глаза. — Всего доброго, Mr?

— Гэстби, — поспешно выпалил Джон, — Вильям Гэстби.

— Приятно познакомиться, Вильям Гэстби, — мужчина спрятал ехидную улыбку за темным провалом капюшона, выходя за дверь.

Поднявшись в комнату, Джон прильнул к шторе, наблюдая за всадниками. Рослый детина подошёл к долговязому и кинул буквально пару фраз, после чего заскочил на лошадь. Все остальные последовали его примеру. Ударяя поводьями, мужчины устремились за ворота. Только один всадник задержался во дворе. Он окинул взглядом двор, после чего резко вскинул подбородок, смотря прямо в окно, за шторой которой прятался Джон. От неожиданности Джон отринул в глубь комнаты и присел. Когда он снова подкрался к окну, то двор оказался пустым и нелюдимым.

Через два дня Оливия вернулась в поместье. Она с порога предупредила Джона, что они завтра отбывают в Сейлем, с ответным визитом ковену Сейлема. Джон не знал, что это значит, но с облегчением выдохнул. Он был готов ехать и прямо сейчас, лишь бы не встречаться с ночными визитёрами.

1. Сейлем

9 мая 1692г. Сейлем.

Оливия заранее известила Клавдию о своём визите, чтобы это не выглядело как незаконное вторжение в чужой ковен. Она, после утомительной дороги, держалась так, словно её путь не длился дольше нескольких минут. Её немногочисленная свита, в которую входили: Эбби, Катерина, Вильям и Джон, также не ударили в грязь лицом. Ну, может только за небольшим исключением. Вильям постоянно зевал и сонно моргал, проведя всю дорогу на козлах.

— Дорогая, — жизнерадостно улыбаясь, шикарная женщина в пурпурном платье с открытым декольте, достойном самой королевы, шла навстречу, расставив широко руки.

Скромные и закрытые пуританские наряды ведьм Плимута, с нелепыми широкополыми шляпами, выглядели невзрачно на фоне модных ведьм Сейлема и прекрасной брюнетки Верховной. Но они всё равно уступали Оливии в её умении держать спину и гордо вскинутый подбородок. После притворных объятий и импровизированных поцелуев в обе щёки, не касаясь губами кожи, со звонким чмоком, Верховные улыбнулись, словно старые приятельницы.

— Как вы добрались? Всё ли у вас хорошо? У вас есть какие-то предпочтения? Вы хотите остановиться одни в моём гостевом доме, или со своей свитой?

Вопросы сыпались бурным потоком из Клавдии. Если бы кто-то услышал их разговор со стороны, то подумал, что это лучшие подруги воркуют после долгой разлуки. А точнее, бедную кузину занесло на бал к щедрой королеве.

— Вы уже прошли через посвящение? Призывали Цернунна как своего супруга? — не унималась Клавдия.

— К сожалению, нет. Обстоятельства вынудили меня отложить это мероприятие и навестить вас, — Оливия неспешно шла под руку с негласной хозяйкой Сейлема к небольшому белому особняку.

— Я понимаю о причинах вашего визита и сразу хочу заверить вас в том, что ни я, ни мой ковен к этому не причастны.

— Я охотно верю вам, дорогая Верховная, и надеюсь, вы поможете мне разобраться с тем, что произошло с моими ведьмами, и почему они всё ещё в тюрьме, — Оливия даже не пыталась скрыть иронию в голосе, потому что знала, что Клавдия и сама понимает, что это откровенное враньё.

— Я успела собрать кое-какую информацию и охотно поделюсь ею с вами за ужином. А сейчас, — женщина по-ребячески хлопнула в ладоши, — отдохните с дороги. Умойтесь и приведите себя в порядок. А то от вас уже начинает дурно пахнуть и платья в дороге всё запылилось.

Последнее предложение она сказала шёпотом почти на ухо Оливии, но так, чтобы его услышали и остальные.

— Непременно, — растянув губы в фальшивой улыбке, девушка мысленно прожгла не одну дырку во лбу хозяйки.

Ведь она прекрасно понимала, что от неё не пахло. И платья они одели чистые перед тем, как въехали в город.

Особняк был помпезным и светлым, в отличие от скромных жилищ пуритан. Аккуратно расставленные вазочки на вывязанных крючком салфетках по всем поверхностям, придавали

уют просторным комнатам. Шторы и гардины, собранные пышными бантами, статуи и шёлком обитые кресла. После стольких лет, проведя в кругу пуритан, всё здесь казалось слишком ярким и диковинным. В принципе, как и в её поместье, после обустройства Джоном, за время её восстановления.

Вильям сразу же занял спальню рядом с комнатой, которую выбрали для себя Эбби с Катериной. Джон занял смежную комнату со спальней Оливии. Просторная спальня в другой части особняка, подготовленная для Верховной, осталась пустовать. Решили, что всё же будет лучше всем держаться ближе друг к другу. Джон придирчиво осмотрел небольшую комнату Верховной.

— Можем поменяться. Моя — более просторная, — он приобнял за плечи задумавшуюся у окна Олив.

— Не надо, — тихо отозвалась она. — Она уютная. Меня вполне устраивает.

— Можем занять большую спальню, — он поцеловал её в макушку, прижимая выпирающие лопатки к своей груди.

— У нас проблем выше крыши, Джон, — чуть с укором, устало протянула она. — Сейчас вообще неподходящее время.

— А когда оно станет подходящим? — он отогнул накрахмаленный воротничок, чтобы оставить лёгкий поцелуй на открывшемся участке шеи.

— Надо отдохнуть, — вместо ответа выдохнула Олив, скидывая руки мужчины с плеч.

— Конечно, моя Верховная, — Джон невесело усмехнулся, провожая её тяжёлым взглядом.

Оливия стянула чепец, расправляя волосы и открывая дверь, чтобы проводить мужчину, но в дверном проёме показалось злое лицо Катерины. Она прошла мимо Верховной, направляясь прямиком к кровати.

— Вот же гадины, — прошипела она, рассматривая застеленную кровать нежным, розово-салатовым лоскутным одеялом.

— Что случилось? — Оливия встала рядом с Катериной, пялясь на кровать.

— Что там? — мужчина встал рядом с ними, непонимающе разглядывая ничем не примечательный рисунок на одеяле.

— Я сейчас всё почищу, — сворачивая одеяло и подушки, Катерина с раздражением сопела, что-то бурча себе под нос.

— Что произошло? — Джон косился на гневно дёргающую простынь Катерину, но обращался к Оливии.

— Ничего страшного, — она подхватила парня под руку, подводя его к окну, — Просто мелкая пакость от ведьм. Так сказать, тёплый приём с призывом маленькой орды клопов.

Джон хмыкнул.

— В духе Клавдии.

— Это всё мелочи. Ты, наверное, хотел бы встретиться с мамой?

— Да, но не сейчас. У нас ещё будет время с ней свидеться. Сейчас Катерина всё застелет и отдыхай. Всё остальное потом.

— Хорошо, — она поцеловала его в щёку. — Спасибо, что помогаешь мне.

— По-другому и быть не может, — он легко чмокнул её в губы, вызвав смущённую улыбку на усталом лице Оливии.

***

Ужин проходил в доме Верховной, за длинным столом в гостиной, где по правую руку сидел ковен Плимута, а по левую — ведьмы и колдуны Сейлема, вместе с Элеонорой. Дом Верховной был настоящей крепостью. Роскошь и богатство не уступали дворцу Английской королевы. Слишком много золота, слишком много камня, шёлка, непонятного стекла.

Эбби крутила в руке и дотошно рассматривала тонкую белую тарелку, пока не подали блюда.

— Это фарфор, дорогая, — улыбаясь за спиной ведьмы, Клавдия по-матерински потрепала её за плечо, обходя стол.

Оливия и Катерина не повернули головы и сделали вид, что им это не интересно, как и мужчинам, а Эбби быстро вернула тарелку на место.

Клавдия, с бокалом в руке, обошла плавной походкой стол, усаживаясь во главе, на деревянный импровизированный трон, с накинутой белой волчьей шкурой на спинку.

— Это подарок из Азии, — продолжила меланхолично она. — В молодые годы мне доводилось много путешествовать.

— Вы были в Азии? — не удержалась от вопроса Катерина.

— Да, — улыбаясь, протянула она, отпивая из бокала янтарную жидкость. — Иногда обстоятельства складываются таким образом, что необходимо много путешествовать. Особенно, когда одна, очень ловкая саранча, постоянно выскальзывает из рук.

На последнем предложении игривое настроение Верховной спало, но она быстро взяла себя в руки, натягивая самую милейшую улыбку из своего арсенала. Нелепое насекомое с огромными желваками залезло к ней на руки, словно кот, подставляя свою уродливую голову под ласку хозяйки.

— Да будет пир! — она позвонила в колокольчик, стоявший у неё на столе, не выпуская из рук отвратительного вида сольпугу.

Как по волшебству, боковые двери распахнулись. Из них высыпали служки и повара с разными блюдами и яствами. Вино плескалось по бокалам. Официанты с огромными разносами расставляли каждому индивидуальные порции салатов и закусок. Оливия сдержанно наблюдала за развернувшимся для них театральным шоу, в ожидании, когда гостиная опустеет. Как только дверь захлопнулась за последним официантом, она, не притрагиваясь к еде, подняла бокал с вином.

— За гостеприимную хозяйку этого дома. Долгих лет жизни и процветания ковену Сейлема.

Все поддержали и прокричали хором её тост, отхлебнув терпкую жидкость и с остервенением застучали по тарелкам приборами. Оливия же, чуть отпив, откусила кусочек от бутерброда и, положив его на край тарелки, сложила руки на колени, повернув голову в сторону Клавдии. Несмотря на изобилие и разнообразие яств на столе и взыгравшийся аппетит, весь ковен Плимута последовал за своей Верховной.

— Дорогая, — прожёвывая салат, Клавдия чуть протерла губы салфеткой. — Я не думаю, что сейчас время обсуждать дела.

— Я полагаю, что за столом находятся люди, от которых нечего скрывать Верховной. От моих так точно, — со шпилькой добавила Оливия.

Улыбка Клавдии чуть треснула, но быстро вернулась.

— Хорошо, — она скинула насекомое на пол и, уперев локти в стол, сложила руки в замок. — Дочь и племянница нашего пастора пострадали от проделок ведьм. Они жаловались на то, что по ночам их резали и кололи. Пастор пытался помочь девочкам молитвами, но они закрывали уши и кричали в ужасе от его проповедей. Почему они указали на ваших ведьм, Верховная, мне не известно. Но с этой историей у нас проблем не меньше. Поверьте, — она жадно отпила из бокала.

— Кто-то был ещё арестован? — напряглась Оливия.

— Бывший пастор Джордж Берроуз, Элизабет Проктор с мужем и Ребекка Нёрс, — равнодушно назвала она имена. — В апреле арестовали сестру Ребекки Нёрс — Клойс, и ещё несколько женщин.

— Это ваши ведьмы? — спросил Вильям.

— Нет, — невесело усмехнулась она. — Местные дурочки. Остервенелые прихожанки, поэтому их судьба волнует многих горожан, в отличии от ваших и от моих Марты Корри и Рейчил Клинтон, которых подвергают пыткам и издевательствам.

— Почему вы их не вызволили? — нахмурился Джон.

— А вот тут уже и начинаются проблемы, — откинув салфетку, Клавдия повела бровью, одаривая Джона игривой улыбкой. — Скоро состоится суд. Для этого из Бостона прислали Коттона Мэзера.

— Кто это? — постукивая тарелку вилкой, Эбби чуть оторвалась от процесса познавания фарфора.

— Священник Северной церкви Бостона. Сумасшедший фанатик. Больной ублюдок, запугавший свою паству и превратив их в сумасшедшее, озверелое стадо.

— Мы с Вильямом можем надавить на судей, — начал было тихо Джон. — Всё же я и Вильям состоим в Совете Плимута, и наших подопечных мы можем судить сами.

— Мой милый, мальчик, — по-кошачьи выдавила Клавдия, откидывая чёрные пряди волос за спину. — Если бы всё было так просто, то я бы и сама уже давно их вызволила.

Она томно облизнула губы и пробежалась взглядом по телу Джона.

— Неужели ты думаешь, что в моём городе, в верхах нет моих людей? Они все зависят от меня, и все беспрекословно выполнят всё, что я скажу.

— В чём заключается проблема? — Оливия метала взгляд то на Клавдию, то на хмурого Джона.

— Судьями назначили троих друзей Коттона Мэзера. И сам Коттон будет следить за судебным процессом, а председатель суда даже не имеет юридического образования.

Оливия резко встала из-за стола. Скрежет ножек стула противно взвизгнул по каменному полу.

— Простите. Я устала. Мне надо отдохнуть, — чуть сдерживая слёзы, проговорила она. — Продолжайте без меня.

Она кинула салфетку на стол и выбежала из гостиной.

— Надо же, — поглаживая на руке сольпугу, Клавдия с иронией в голосе, провожала убегающую девушку взглядом. — Какая ранимая душа. Кто бы мог подумать?!

— Простите меня, — коротко кивнув матери, Джон вышел следом за Оливией.

***

Он нашёл её возле колонны гостевого дома. Заплаканную и кусающую губы.

— Успокойся, Оливия, — он притянул её к себе и она, всхлипывая, уткнулась лбом ему в плечо. — Мы что-нибудь придумаем. Я тебе обещаю.

— Я же Верховная, — сипела она. — Я должна защищать своих ведьм, а я… я… я вообще ничего не могу!

— Нет, Оливия, — он оторвал её от своего плеча и утёр большим пальцем бегущие слёзы. — Ты всё делаешь для них. Даже опытная Клавдия бессильна, а ведь и её ведьмы схвачены.

— Но почему мы не можем ворваться в зал суда и вызволить их?

— А потом что? — уныло покачав головой, Джон серьёзно посмотрел на девушку. — Нам уйти под Древо на пятьдесят лет? На сто? Если мы будем действовать открыто, то люди этого не простят. Нам нигде и никогда не будет места под Солнцем. Нас будут и через века преследовать. Надо верить, что когда-нибудь придёт время и нам не надо будет прятаться, или хотя бы о нашем существовании забудут.

— Но пока наступит это время…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.